

**ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ОТЛУЧЕННЫМЪ ВООБЩЕ
И КЪ ГР. Л. ТОЛСТОМУ ВЪ ЧАСТНОСТИ. *)**

*Определение Святѣйшаго Синода отъ 20 — 22-го февраля 1901 г.,
№ 557, съ посланіемъ вѣрнымъ чадамъ Православной Грекороссій-
ской Церкви о графѣ Львѣ Толстомъ.*

Святѣйшій Синодъ, въ своемъ попеченіи о чадахъ Пра-
вославной Церкви, объ охраненіи ихъ отъ губительнаго со-

*) Читано 23 марта 1901 г. въ помѣщеніи Тоб. общ. собр. въ пользу
церк.-приходск. школъ.

блзна и о спасеніи заблуждающихся, имѣвъ сужденіе о графѣ Львѣ Толстомъ и его противохристіанскомъ и противокерковномъ лжеученіи, призналъ бавременнымъ, въ преду-прежденіе нарушенія мира церковнаго, обнародовать, чрезъ напечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, нижеслѣдующее свое посланіе:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

Святѣйшій Всероссійскій Синодъ вѣрнымъ чадамъ Православныя Каѳолическія Грекороссійскія Церкви

о Господѣ радоваться.

„Молимъ вы, братіе, блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, емуже вы научитесь, и уклонитесь отъ нихъ“ (Римл. 16, 17).

Изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣрѣ во Христа, Сына Бога Живаго. Но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню, не могли одолѣть Церкви святой, которая пребудетъ неодоленною во вѣки. И въ наши дни, Божіимъ поупщеніемъ, явился новый лжеучитель, графъ Левъ Толстой. Извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсеваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ пре-

дѣлахъ дорогаго Отечества нашего, онъ проповѣдуетъ, съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ Православной Церкви и самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ Личнаго Живаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа — Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради челоуѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаетъ безсѣменное зачатіе по челоуѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи, не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія, отвергаетъ всѣ Таинства Церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнувшись подвергнуть глумленію величайшее изъ Таинствъ, святую Евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ не прикровенно, но явно предъ всѣми, сознательно и намѣренно отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ Церковію Православною. Бывшія же къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею. Нынѣ о семъ свидѣтельствуемъ предъ всею Церковію къ утвержденію правосостоящихъ и къ вразумленію заблуждающихся, особливо же къ новому вразумленію самого графа Толстого. Многіе изъ ближнихъ его, хранящихъ вѣру, со скорбію помышляютъ о томъ, что онъ, на концѣ дней своихъ, остается безъ вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись отъ благословеній и молитвъ Церкви и отъ всякаго общенія съ нею. Посему, свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ Церкви, вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумъ истины (2 Тим. 2, 25). Молимтиса, милосердый Господи, не хотай смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Подлинное подписали:

Смиранный *Антоній*, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

Смиранный *Феоноста*, митрополитъ кievскій и галицкій.

Смиранный *Владиміръ*, митрополитъ московскій и колсменскій.

Смиранный *Іеронимъ*, архіепископъ холмскій и варшавскій.

Смиранный *Іаковъ*, епископъ кишиневскій и хотинскій.

Смиранный *Маркелъ*, епископъ.

Смиранный *Борисъ*, епископъ.

Вступленіе.

Наше либеральное по вопросамъ вѣры и морали общество съ особымъ предубѣжденіемъ относится къ такъ называемому отлученію отъ Церкви. Это предубѣжденіе повидимому еще болѣе усилилось въ виду недавняго примѣнія церковнаго отлученія къ графу Толстому, имя котораго, какъ геніальнаго свѣтскаго писателя, пользуется всемірною извѣстностью. Въ этомъ церковномъ актѣ нѣкоторые стараются видѣть и видятъ нѣчто злостное со стороны Церкви въ отношеніи къ согрѣшившему, проклятіе, захватъ суда Божія въ свои руки, такое дѣйствіе, которое скорѣе говоритъ о мелочной гнѣвливости представителей христіанской Церкви, о ея безсиліи и слѣдовательно о ея несправедливости, примѣняютъ поговорку: Юпитеръ, ты сердишься, значитъ, ты несправедливъ.

Болѣе наивные видятъ въ этомъ актѣ возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ, къ временамъ пытокъ, костровъ и они въ ужасѣ восклицаютъ: недостаетъ еще мученичествъ за свободу своихъ убѣжденій! Все это сплошное недоразумѣніе. Наше чтеніе имѣетъ своею прямою цѣлью разсѣять какъ это недоразумѣніе, показавъ истинное значеніе отлученія отъ Церкви, его смыслъ и характеръ, такъ и справедливость приложенія отлученія въ частномъ случаѣ — въ отношеніи къ графу Л. Н. Толстому. Это самое собою дѣлитъ все чтеніе на двѣ части: а) о церковныхъ отлученіяхъ вообще и б) въ примѣненіи ихъ къ графу Толстому. Въ первомъ случаѣ придется коснуться исторіи церковныхъ отлученій 1) въ Ветхомъ Завѣтѣ и 2) въ Новомъ Завѣтѣ, ихъ сущности, характера и видовъ.

Церковныя отлученія въ Ветхомъ Завѣтѣ; ихъ сущность и характеръ.

Сущность религіи сводится къ внутренней, таинственной связи между Богомъ и человѣкомъ, предполагающей, съ одной стороны, повиновеніе волѣ Божественной, съ другой — благодатную помощь въ дѣлѣ достиженія этой цѣли. При наличности этихъ условій союзъ остается неизмѣннымъ: освящаемый благодатью Божіею человѣкъ неуклонно идетъ по пути добра, свободно избирая этотъ царскій путь. Богъ неизмѣняемъ и вѣренъ самому Себѣ; отступленіе можетъ быть совершено другою стороною этого союза — человѣкомъ, сосудомъ немощнымъ, существомъ слабымъ и поддающимся злему вліянію. Такъ происходитъ отпаденіе человѣка отъ перваго союза съ Богомъ, искаженіе той религіи, которую исповѣдывалъ онъ въ раю. Это отпаденіе и слѣдовавшее за нимъ грозное осужденіе, произнесенное Творцомъ, и можно разсматривать какъ первое отлученіе человѣка, сопровождавшееся роковыми послѣдствіями. „И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости... и изрине Адама и всели его прямо рая“... (Быт. III, 23—24). Проклятіе падаетъ не только на діавола-змія („проклять ты отъ всѣхъ скотовъ“), не только на землю („проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ“), но и на самихъ людей, ибо въ *ихъ дѣлахъ* проклята земля, черезъ нихъ она подпала осужденію. Его послѣдствія были тяжелы: близкій къ Богу, сынъ по благодати человѣкъ сталъ рабомъ, далекимъ отъ Бога, чужимъ Ему, то непосредственное общеніе, въ которомъ находился человѣкъ въ отношеніи къ Богу — руководителю, замѣняется или посредственнымъ водительствомъ — чрезъ избранныхъ лицъ, или свободнымъ блужданіямъ по стихіямъ міра сего. Человѣкъ лишается прежнихъ своихъ преимуществъ и проклятіе Божіе (что равносильно отлученію человѣка отъ Бога) тяготитъ надъ всей вселенной. Человѣкъ проходитъ тяжелую школу умственного и нравственного паденія, чрезъ которую ведетъ его промыслительная рука Божія, чтобы довести его до полнаго сознанія своей

беспомощности и исторгнуть изъ его изсохшей груди вопль о помощи съ неба. Весь Ветхій Завѣтъ и долженъ быть разсматриваемъ какъ пропедевтика къ Новому Завѣту; какъ суровая школа, въ которой рука пѣстуна казалась людямъ тяжелою.

Чѣмъ чаще повторяются отпаденія человѣка отъ воли Божественной, голосъ которой говоритъ и въ сердцѣ человека — въ его совѣсти, — и въ письменныхъ начертаніяхъ Закона Божія, и въ явленіяхъ природы, чѣмъ глубже были эти паденія, тѣмъ грознѣе раздавался голосъ Бога-Владыки, отечески взыскующаго съ человека за всякое преступленіе противъ закона Божія. И исторія Ветхаго Завѣта въ первый и второй періоды — до Синайскаго законодательства Божія чрезъ Моисея даетъ намъ множество примѣровъ суровыхъ отлученій, произносимыхъ самимъ Богомъ. Такъ какъ проклятъ былъ за братоубійство Каинъ: „и нынѣ прокляты ты на земли: стена и трясыйся будеши на земли“... (Быт. IV, 11—12). Какъ не достойное милости Божіей, богопротивное человѣчество наконецъ было истреблено во всемірномъ потопѣ кромѣ Ноя и его семьи. Вновь размножившееся оно не стало лучше и рядъ отлученій — проклятій лежитъ на народахъ, происшедшихъ отъ сыновей Ноя, а первое изъ нихъ (на Хамѣ: „проклятъ буди Ханаамъ отрокъ: рабъ будетъ братіямъ“ — говорилъ отъ имени Бога Ной (Быт. IX, 25). Слово всемогущаго Бога равносильно дѣйствию и мы видимъ, что эти отлученія сопровождаются рядомъ бѣдствій, нестроеній, страданій въ родѣ человѣческомъ (разсѣяніе людей, истребленіе Содома и Гоморры и пр.).

Это были, такъ сказать, чрезвычайныя отлученія, исходившія отъ самого Бога. Со времени Синайскаго законодательства жизнь всего человѣчества течетъ двумя руслами, имѣющими между собою мало точекъ соприкосновенія. Но характеръ ея остается тотъ-же: путемъ строгаго отношенія къ требованіямъ закона воспитать человѣчество и подготовить его къ славному будущему. Въ этомъ періодѣ церковныя отлученія, оставаясь по существу тѣми-же, принимаютъ

нѣсколько иной видъ. Мы говоримъ объ отлученіяхъ Ветхо-Завѣтныхъ въ исторіи избраннаго народа. Грозныя преценія произносятся отъ имени и лица Божія Его вѣрными рабами въ лицѣ первосвященниковъ, пророковъ и благочестивыхъ царей. Эти отлученія бываютъ или общія — на всѣхъ нарушителей завѣта Іеговы, каково напр. проклятье, наложенное Моисеемъ на преступниковъ закона: „проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ словесѣхъ закона, еже творити я“ (Втор. XXVII, 26); или частныя — въ отношеніи къ опредѣленному лицу: таковы грозныя проклятія на нарушителей воли Божіей у подножія Синая, когда только самоотверженная молитва Моисея спасла весь избранный народъ отъ конечнаго истребленія, — отлученіе и казнь Корея, Даана и Авирона, наказаніе, наложенное за невѣріе, при первомъ приближеніи къ границамъ обѣтованной земли, грозное преценіе съ г. Гевала на всѣхъ нарушителей воли Божіей, отлученіе Саула и т. п. и т. п. Мы не ошибаемся, если отлученіе замѣнимъ въ данномъ случаѣ синонимическимъ словомъ — проклятіе и обобщимъ всѣ преступленія, за которыя началось проклятіе, какъ преступленія противъ вѣры (идолопоклонство) и противъ нравственности (грѣхъ Содомы и Гоморры), преступленія явныя, производящія соблазнъ, свидѣтельствующія объ окамененіи сердець и омраченіи ума. Всѣ эти отлученія были, такъ сказать, случайныя, не строго опредѣленныя. Система ихъ — ясное и вполне опредѣленное указаніе къ кому и за что должно быть примѣняемо отлученіе, вырабатывается позднѣе, уже въ періодъ синегогальный, когда самимъ еврейскимъ народамъ сознано было все важное значеніе преданности отеческому закону, когда Іудей попадаетъ въ другую крайность — мелочность въ дѣлахъ религіи и когда забота о чистотѣ ея побуждаетъ его принять самыя разнообразныя мѣры къ ея охраненію. И въ числѣ другихъ мѣръ къ ея охраненію въ чистотѣ и неизмѣнности закона мы видимъ вполне развитую систему отлученій. Соотвѣтственно степени грѣховности налагались и отлученія. Первою, нисшею ступенью было „наддай“

(отъ корня „надаг“ — отодвигать, отдалять, отгонять) — временное изгнаніе изъ обществъ, отлученіе отъ синагоги и храма: отлученному разрѣшалось быть только во дворѣ язычниковъ. Это отлученіе сопровождалось разными ограниченіями въ законныхъ правахъ Іудея: ему запрещалось приближаться на 4 шага къ обществу вѣрныхъ, совершать вмѣстѣ съ другими омовенія, очищенія, пить, ѣсть и проч. Въ случаѣ упорства и озлобленія отлученіе не снималось и по смерти человека: стыдъ и позоръ падали на семью его, его лишали торжественнаго погребенія, публичнаго оплакиванія, а на могилу его бросали огромный камень въ знакъ того, что еще при жизни онъ заслуживалъ побіенія камнями. Слѣдующею ступенью отлученія было „херемъ“ (отъ „харамъ“ — истребиль, исключиль), равносильно греч. „анаѳема“. На голову отлучаемаго въ присутствіи народа призывалось проклятiе и разнаго рода бѣды, зажигались черные свѣтильники и при повтореніи проклятiя погашались въ знакъ того, что отлученный недостоинъ небеснаго свѣта. По произнесеніи херема на отлученнаго смотрѣли какъ на зачумленнаго, всѣ избѣгали его и вступившему въ то или другое общеніе съ нимъ грозило „ниддаи“. Его имѣніе конфисковалось иногда, а оставлялось самое необходимое. Это былъ человекъ, находящійся подъ заклятiемъ.

Наконецъ, послѣднею и самою страшною ступенью отлученія было „шаммаи“, когда человекъ безповоротно на всю жизнь отлучался отъ синагоги и общенія съ вѣрнымъ народомъ. Нѣтъ точнаго указанія за какого рода преступленія налагался тотъ или другой видъ отлученій, но безспорно, что одно лицо, въ силу своей нераскаянности и упорства могло быть предано послѣдовательно всѣмъ тремъ родамъ отлученія. Историческій примѣръ подлежанія отлученію мы находимъ въ Христѣ Іисусѣ: не только Онъ Самъ былъ отлученъ отъ синагоги и его искали убить (значить на него наложенъ былъ именно „херемъ“), но и всякій вступающій въ общеніе съ Нимъ подлежалъ отлученію — наддаи (какъ это и было съ чудесно исцѣленнымъ слѣпорожденнымъ).

Если различіе между первою ступенью и второю (наддаи и херемъ) болѣе или менѣе ясно, то различіе между второю и третьею, можно догадываться, сводилось къ тому, что во второмъ случаѣ отлученный не окончательно лишился надежды на милосердіе Божіе и не трактовался какъ окончательно погибшій; эти тяжелыя послѣдствія были связаны съ третьимъ видомъ отлученія. Изъ этого краткаго очерка исторіи отлученій Ветхаго Завета можно представить себѣ самый характеръ этихъ отлученій и ихъ сущность. Это не мѣра возмездія въ видахъ исправленія согрѣшившаго. Нѣтъ, это прежде всего актъ мздовоздаянія: каждый грѣхъ требовалъ возмездія, но ловекъ жилъ подъ страхомъ постояннаго осужденія и наказанія. Онъ какъ рабъ, не смѣлъ претендовать на похвалу своего господина, но и не смѣлъ проптать на него тяжелую руку. Богъ въ этомъ заветѣ проявлялся по преимуществу какъ грозный Судія, Мздовоздатель, Богъ-Ревнитель, наказующій за отступленіе. Отъ Него не только отцовъ, но и дѣтей даже до четвертаго рода. Грозный Иегова расфеваетъ какъ бурный вѣтеръ сухія листья: цѣлыя народы, уничтожаетъ царства. Такимъ остается отлученіе и въ позднѣйшее время въ рукахъ тѣхъ, кто стоялъ во главѣ избраннаго народа, будутъ-ли то пророки, цари или первосвященники. И въ ихъ рукахъ отлученіе — актъ мздовоздаянія, со всею прямою, неизбѣжностію, неумолимостію, карающій преступника. Это было прямымъ результатомъ того невыносимаго закона, тяжесть котораго казалась трудно-переносимою для всего народа и подъ которою подгибались колѣна лучшихъ людей Ветхаго Завета. Онъ достигъ того, что сознаніе безсилія въ дѣлѣ устроенія своего счастья и благополунія, сознаніе виновности и необходимости помощи свыше охватило все чловѣчество.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Д. Матвѣевъ.

ТОБОЛЬСКІА

ЕПАРХІАЛЬНЫА ВѢДОМОСТИ.

№ 10.

16-го мая 1901 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ОТЛУЧЕННЫМЪ ВООБЩЕ
И КЪ ГР. Л. ТОЛСТОМУ ВЪ ЧАСТНОСТИ. *)

Отлученія въ Новомъ Завѣтѣ, ихъ сущность и характеръ.

Совершенно инымъ характеромъ отличается церковное отлученіе въ Ново-Завѣтной Церкви. Подзаконныя времена смѣнились временами христіанства. Страждущее, грѣховное человѣчество милосердіемъ и благодію Божіею было искуплено отъ своихъ грѣховъ и были установлены новыя отношенія между любящимъ Богомъ и искупленнымъ человѣчествомъ. Грознаго Судью замѣнилъ любвеобильный Отецъ и робкаго раба—сынъ, въ полнотѣ вѣры и любви воздѣвающій руки къ небу и восклицающій „Авва Отче“! Въ основу жизни человѣка кладется тотъ же принципъ вѣры и любви, но расширенный до безконечности при наличности средствъ къ выполнению его. Между братьями не только по плоти, но и по духу должна царить любовь „единеніе духа въ союзѣ мира“. Полнота жизни во Христѣ невольно выражается въ привлеченіи и другихъ ко Христу, къ братскому дѣлежу обильной Христовой трапезой. Если любовь должна проявляться въ отношеніи къ чужему, непричастному бла-

*) См. № 8 „Тоб. Епарх. Вѣд.“ 1901 г.

годати возрожденія, то тѣмъ болѣе она должна проявляться въ отношеніи къ согрѣшающему брату. И первое чувство, какое вызываетъ его отпаденіе—это скорбь о немъ, та скорбь, которая виднѣлась во взорѣ Христа, при отпаденіи Петра и которая отрезвила послѣдняго и привела снова къ Христу. Но этого мало: падшій братъ—это больной душевно братъ. И невольно, помимо скорби въ душѣ, является потребность такъ или иначе снова привлечь его ко Христу, чтобы не лишить его даровъ Божественной благодати. И только тогда, когда все сдѣлано съ человѣческой точки зрѣнія и братъ падшій черезъ невѣріе, или тяжелый грѣхъ, соблазняющій многихъ, остается въ упорствѣ и нераскаянности, съ душевною тугою приходится констатировать фактъ его отпаденія отъ тѣла Церкви Христовой. Онъ становится въ разрядъ „язычниковъ“ по своимъ вѣрованіямъ и въ разрядъ „мытарей“ въ дурномъ смыслѣ по своему нравственному образу жизни, по слову Списителя „аще и церкви преслушается, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь“ (Мѡ. XVIII, 17). Его упорство свидѣтельствуется объ отсутствіи въ немъ вѣры въ Искупителя и духа братской любви: разъ эта связь порвана, онъ самъ собою отпадаетъ отъ тѣхъ, кто соединенъ съ другими этою связью. Но его отпаденіе не говоритъ объ окончательной его гибели и не освобождаетъ cadaго члена Церкви отъ тѣхъ или иныхъ обязанностей въ отношеніи къ нему. Въ силу отпаденія онъ лишается своихъ правъ, какъ православнаго христіанина, общенія въ таинствахъ, Богослуженіи и молитвахъ; если онъ былъ клирикъ или духовное лицо—лишается тѣхъ прерогативъ, которыя соединяются съ тѣмъ или инымъ званіемъ. Но обычнаго братскаго общенія онъ не лишается—общенія въ пищѣ, питьѣ, разговорѣ и т. д., какъ не лишали своего общенія мытарей и язычниковъ ни Христосъ, ни его апостолы. На этомъ основывается возможность воздѣйствія на падшаго—привлеченія его снова ко Христу. Дѣло принимаетъ нѣсколько иной оборотъ, когда отпадшій обнаруживалъ злую волю и пропаганду своего лжеученія. Тогда Церковь должна бы-

ла становиться на защиту своихъ вѣрныхъ чадъ и парализовать дѣятельность того, кто становился ея врагомъ. Она открыто объявляла такого отлученнымъ, предупреждая всѣхъ отъ общенія съ нимъ въ дѣлахъ вѣры. И если раньше въ отношеніи согрѣшившаго брата Церковь руководилась благомъ отлучаемаго, желаніемъ его исправить, вернуть обратно къ себѣ, то теперь при злостности и упорствѣ отпадшаго, его враждебности этого требовало какъ благо Церкви, такъ и честь ея. Серьезность лжеученія иногда требовала торжественнаго отлученія не единоличною властію епископа, но властію цѣлаго собора. Здѣсь не только отпадшій объявлялся таковымъ, но его дѣло предоставлялось суду Божію и Церкви оставалось только молиться о его возвращеніи на путь истины. Вотъ въ общихъ чертахъ ходъ отлученія въ Новомъ Завѣтѣ.

Обратимся къ исторіи. И прежде всего мы должны обратить вниманіе въ разрѣшеніи этого вопроса на слова Спасителя, давшаго Церкви великую власть вязать и рѣшить грѣхи на землѣ. „Аще преслушаетъ церкви“... Въ силу этого, нераскаявшагося блудника апостоль Павелъ предастъ сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется“ или по толкованію Златоуста: возвращаетъ его въ языческій міръ, гдѣ царитъ сатана. Тоже апостоль заповѣдуетъ и въ другомъ мѣстѣ, рекомендуя не имѣть общенія съ тѣми, кто называясь братомъ, остается блудникомъ, или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или лжерѣчивымъ, или пьяницей, или хищникомъ (I Кор. VI, 1-11), — или во 2 посл. къ Тимотею. III, 14, прося не сообщаться съ тѣми, кто и не послушается его словъ и не приметъ его посланія, чтобы устыдить послѣдняго; но, прибавляетъ апостоль, „не считайте его за врага, а вразумляйте какъ брата“. Болѣе слабымъ изъ вѣрующихъ апостоль Іоаннъ совѣтуетъ не принимать къ себѣ въ домъ учащаго иначе, чѣмъ онъ, исключительно имѣя въ виду, чтобы не явилась опасность, благодаря общенію съ еретикомъ — самому не отступить отъ вѣры во Христа.

На этихъ началахъ братской любви и участія и муд-

рой осмотрительности, которая такъ и свѣтятся въ словахъ и дѣйствіяхъ какъ Спасителя, такъ и его апостоловъ, развилась своего рода система отношеній къ падшимъ нравственно или въ отношеніи вѣры.

Обращаясь къ первымъ вѣкамъ христіанства, мы видимъ, что Церковь ведетъ двойную борьбу — и съ врагами внутренними и съ внѣшними. Если въ отношеніи къ вторымъ Церковь могла только терпѣть и молиться, то въ отношеніи къ первымъ она борется цѣлою системою дисциплинарныхъ мѣръ, кончающихся отлученіемъ. Съ мудрою осторожностью различая и степень грѣха и внутреннее состояніе согрѣшившаго она употребляетъ *примѣрное недугу* врачеваніе, дабы не соблюдая мѣры ни въ томъ, ни въ другомъ, не утратить спасенія недугующаго.... Ибо у Бога и пріѣвшаго пастырское водительство все попеченіе о томъ, дабы овцу заблудшую возвратить и уязвленнаго змѣемъ уврачевать... (102 пр. VI в. соб.). И только какъ послѣднею крайнею мѣрою она пользовалась отлученіемъ.

Мы можемъ привести цѣлый рядъ примѣровъ изъ практики Церкви, какъ первыхъ вѣковъ, такъ особенно вѣковъ вселенскихъ соборовъ, когда по тому или иному случаю членъ Церкви подпадалъ отлученію.

Наибольшее число отлученій въ первые вѣка христіанства падало на отпадшихъ отъ вѣры во времена гоненій. Это отступничество отъ Христа, гдѣ страхъ мученій пересиливалъ любовь, гдѣ со всею очевидностью обнаруживались слабость вѣры, неуваженіе къ святынь — навлекало на виновныхъ заслуженную кару — исключеніе изъ членовъ Церкви. И только послѣ цѣлаго ряда покаянныхъ мѣръ падшій могъ снова возсоединиться съ Церковью. На почвѣ этого вопроса о падшихъ развиваются два раскола, какъ двѣ крайности, далеко отступившія отъ мудрой практики Церкви: это изв. расколы III и IV в. Новата и Фелициссима и Новаціана (и какъ продолж. его — расколъ донитистовъ). Отлученіе распространялось иногда и на вступающихъ въ общеніе съ отлученнымъ (10 и 11 пр. Ап. постан.).

Въ вѣка борьбы съ ересями (IV—IX) отлученію по преимуществу поддаются еретики: такъ были анафематствованы Арій, Несторъ, монофизиты, иконоборцы и мн. др. еретиковъ. Подвергались отлученію не лица только, но цѣлыя еретическія ученія. Но на ряду съ отлученіями за преступленія противъ вѣры мы встрѣчаемъ отлученія за проступки противъ нравственности. Извѣстно отлученіе, наложенное Амвросіемъ на императора Θεодосія за его безчеловѣчное распоряженіе объ избіеніи жителей г. Θεσσαλονики, отлученіе Синезіемъ Пролеминдскимъ ливійскаго военачальника за похищеніе женщинъ и нѣск. другихъ.

Уже изъ словъ апостола можно заключить, что отлученію, какъ дисциплинарной мѣрѣ, подлежалъ одинаково какъ преступникъ въ вѣрѣ, такъ и въ нравственности. На ряду съ блудникомъ поставляется и идолослужитель, но тяжесть грѣха, его соблазнъ, упорство въ немъ давали основаніе къ различенію въ самомъ отлученіи. Апостоль отлучилъ самъ блудника, но отлучилъ въ видахъ его исправленія, доведенія его до признанія виновности и грѣховности проступка; и какъ только въ немъ было замѣчено чувство раскаянія, онъ спѣшилъ къ нему съ прощающею братскою любовію, снимая съ него отлученіе. Духъ спасенья — отлученье достигло цѣли. Опаснѣе и тяжелѣе грѣхи ума, въ гордости своей поднимающагося на умъ Божій и ниспровергающаго основныя догматы вѣры. „Если бы даже ангель съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствуемъ, анафема да будетъ!“ заповѣдуетъ ап. Павелъ. Можно выдѣлить еще одинъ видъ преступленій, также подвергавшій человека отлученію. Кромѣ обязанностей въ отношеніи къ Богу и ближнему, — обязанностей вѣроисповѣдныхъ и нравственныхъ, есть еще обязанности въ отношеніи къ той, которая вскармливаетъ, питаетъ человека и ведетъ ко Христу — обязанности къ Церкви, воплощающей идеи нравственности въ опредѣленныя формы и примѣняющей ихъ къ внѣшнимъ условіямъ и требованіямъ жизни.

Мы уже говорили, что въ отношеніи къ согрѣшившимъ

Церковь примѣняла цѣлую систему дисциплинарныхъ мѣръ, кончавшихся отлученіемъ согрѣшившаго. Но и самое отлученіе въ отношеніи рода преступленія и степени грѣха и нераскаянности грѣшника дѣлилось въ свою очередь на нѣсколько видовъ—отъ отлученія временнаго и въ извѣстномъ отношеніи до полнаго отлученія отъ Церкви.

Поэтому въ томъ или иномъ случаѣ примѣнялось или временное отлученіе (*ἀφορισμός, separatio, excommunicatio*), когда виновный на нѣкоторое время лишался таинства причащенія, общей молитвы и поставлялся въ разрядъ такъ называемыхъ публично кающихся. Или—низверженіе изъ сана (въ примѣненіи къ клирику), въ силу чего наказуемый лишался правъ служебныхъ, административныхъ, правъ чести, былъ исключаемъ изъ клира и причислялся къ мірянамъ. Этотъ видъ наказанія подраздѣлялся въ свою очередь на нѣсколько болѣе мелкихъ—въ отношеніи того, всѣхъ ли правъ лишался клирикъ, или части. Низвергаемый изъ сана не подвергался уже отлученію (за одинъ и тотъ же проступокъ) „дабы не мститъ дважды за едино“, говоритъ *В. Вел.* (3 прав.); и только если низверженный продолжалъ священствовать или снова впадалъ въ тяжкое преступленіе, онъ подвергался отлученію. Или, наконецъ, предавался анаѳемѣ—отлученію отъ Церкви въ строгомъ и конечномъ смыслѣ. Этимъ наказуемый лишался не только особенныхъ своихъ христіанскихъ правъ и преимуществъ (напр. правъ клирика), но и общихъ, присущихъ всѣмъ христіанамъ и становился въ разрядъ внѣшнихъ въ отношеніи къ Церкви, чуждыхъ ей, съ тяжелою опасностью погубить совсѣмъ свою душу. Его имя исключалось изъ, такъ называемыхъ, диптиховъ живыхъ, въ которыхъ вносилось имя каждаго члена Церкви и этимъ онъ лишался имени христіанина; онъ не могъ принять участія въ богослуженіи, даже въ братскихъ трапезахъ и дѣлахъ благотворенія (ап. Пав. запрещаетъ брать приношенія отъ воровки и блудницы, равно и отъ отлученныхъ). Вообще сферу разобщенія можно выразить такъ, какъ выразилъ Тертулліонъ: „отъ общенія въ

молитвъ, собраніяхъ и отъ всякаго общенія священнаго, разумѣя то, что связывало христіанина съ христіанствомъ. Последняя дисциплинарная мѣра примѣнялась исключительно въ отношеніи нераскаявшихся еретиковъ, попиравшихъ основные догматы вѣры. „Безбожныхъ еретиковъ, которые не раскаиваются, отдѣляйте и открыто выгоняйте изъ Церкви Божіей, а вѣрующимъ объявляйте, чтобы всячески удерживались отъ нихъ и не имѣли съ ними общенія ни въ разговорѣ, ни въ молитвахъ“... (Ап. пост. Рус. пер. стр. 188—190). И понятно почему. Званіе христіанина давалось тому, кто съ полною вѣрою и любовію прилѣплялся ко Христу, какъ Богочеловѣку, Искупителю міра. Разъ этой вѣры нѣтъ, нѣтъ такого отношенія ко Христу, человѣкъ перестаетъ быть христіаниномъ. Ибо главное въ христіанинѣ — вѣра, на основаніи которой строится все дѣло спасенія человѣка.

Переходя къ выясненію сущности и характера сновозавѣтнаго отлученія, мы замѣтимъ вообще, что церковная дисциплина была необходима, какъ орудіе борьбы со зломъ въ самой Церкви. Христова Церковь, принимая въ свои недра того или другого члена и снабжая его высокими правами, этимъ не ограничивалась. Недостаточно было, чтобы новый членъ принялъ крещеніе и вмѣстѣ съ нимъ получилъ великіе дары св. Духа. Вмѣстѣ съ правами на него налагались и обязанности, не менѣе высокія и важныя. Своею высоконравственною жизнью онъ долженъ былъ оправдать званіе христіанина. Кромѣ того, какъ членъ Церкви, опредѣленнаго общества, онъ долженъ былъ принимать участіе въ жизни Церкви, выражавшееся въ обязанности принадлежать Церкви, быть въ единеніи, общеніи (*communio*) съ нею, а это прежде всего и главнымъ образомъ выражалось въ догматическомъ единеніи, общности исповѣданія вѣры, открытаго признанія себя христіаниномъ; потомъ — въ подчиненіи іерархіи, какъ высшей руководительницѣ, которой ввѣрены „слова Божія“, въ подчиненіи законамъ и уставамъ Церкви. Только подъ условіемъ соблюденія этихъ

требованій чловѣкъ могъ считаться истиннымъ христіаниномъ; въ противномъ случаѣ онъ переставалъ быть имъ, выходя изъ рядовъ членовъ Церкви и переходя въ ряды внѣшнихъ ей. Срединъ не могло быть и внѣцерковное христіанство также отрицалось, какъ и сепаратистическія стремленія, индивидуализмъ въ христіанствѣ. Эти требованія были общія для всѣхъ и во всѣхъ мѣстахъ; отсюда, если кто отпадалъ отъ церковнаго общенія въ известной частной церкви, онъ являлся отщепенцемъ въ отношеніи ко всей Церкви. Въ виду этого, въ виду, съ одной стороны, важности законнаго предьявленія Церковью тѣхъ или иныхъ требованій къ каждому ея члену, а съ другой, въ виду необходимости и обязательности подчиненія этимъ требованіямъ членовъ Церкви, Церковь, имѣя свое „внутреннее церковное право“, какъ часть его, выводъ, имѣла и право дисциплины.

Это право, частнымъ обнаруженіемъ котораго являлось отлученіе, оправдывалось столько же а) благомъ церкви, и б) ея честью, сколько, главнымъ образомъ, благомъ самого отлучаемаго. — а) Въ своихъ заботахъ о членахъ Церкви должна была показать, что заслуживаетъ похвалы, что — порицанія, предостеречь отъ возможныхъ соблазновъ; была не малая опасность чрезъ известное упущеніе погубить цѣлую массу вѣрующихъ. Въ видахъ этого ап. Павелъ требовалъ удаленія кровосмѣшника изъ среды вѣрующихъ, замѣчая: „малъ квасъ все смѣшеніе квасить“. Удаленія изъ среды вѣрующихъ преступника, объявленія его таковымъ требовалъ голосъ благоразумія и христіанская осмотрительность. Вполнѣ естественно и благоразумно удалить того, кто не только не исполняетъ наложенныхъ на него обязанностей, но и хулитъ ихъ, находя ихъ нелѣпыми, смѣшными и ставя на мѣсто ихъ свои новыя. б) Этого же удаленія требовала и честь Церкви. Церковь всегда держала высоко свое знамя и о ея членахъ первыхъ вѣковъ язычники свидѣльствовали: „смотрите, какъ любятъ христіане другъ друга“, а Тертулліанъ указывалъ и причину уваженія къ христіа-

намъ со стороны язычниковъ: это ихъ терпѣливость, честность, вѣрность и прочія добрыя качества. Такимъ образомъ, высокая, святая, согласная жизнь членовъ Церкви является однимъ изъ главныхъ чисто миссіонерскихъ средствъ, привлекая въ такую общину все новыхъ и новыхъ членовъ. Св. Кипріанъ на вопросъ одного епископа Евкратія: можетъ ли оставаться въ общеніи комедіантъ, не оставившій своего занятія и кромѣ того еще учащій ему? — отвѣтилъ: занятіе это несообразно ни съ славою Божественною, ни съ святымъ благочиніемъ. Чистота и достоинство (честь) Церкви не должны быть оскверняемы столь гнусною и нечистою язвою“. Оттого-то ап. Павелъ требовалъ отъ епископа, чтобы онъ имѣлъ доброе свидѣтельство и отъ внѣшнихъ, невѣрныхъ, чтобы святостію жизни членовъ Церкви привлечь къ ней и многихъ другихъ. Можно сослаться еще и на 77 пр. VI вс. собора, преслѣдовавшее то же: поддержку чести Церкви предъ внѣшними. в) Наконецъ, главнымъ образомъ, отлученіе имѣло прямую цѣль — исправленіе и спасеніе грѣшника: лишенный братскаго общенія, благодатныхъ средствъ онъ долженъ былъ сильнѣе чувствовать свою преступность. На эту цѣль указываетъ Спаситель, требуя настойчиво примиренія отъ согрѣшившаго брата, ибо этимъ путемъ можно было пріобрѣсти его. Ап. Павелъ учитъ, что разумная дѣятельность церковная должна быть направлена, къ созиданію, а не разрушенію, посему и кровосмѣшникъ былъ отлученъ, „да духъ спасется“. Въ силу этого, отлученіе никогда не было конечнымъ: въ случаѣ раскаянія, отлученный, хотя и послѣ нерѣдко продолжительнаго искуса принимался обратно въ Церковь. Новоціанство въ глазахъ православной Церкви было „братоненавистнымъ“, такъ какъ отрицало необходимость труда по обращенію отлученнаго и тѣмъ опредѣляло его на конечную гибель. Ап. правила поставляютъ даже въ вину епископу пренебреженіе къ участи согрѣшившихъ и заблуждающихся „чтобы они не затерялись для церкви“. Совѣты Ап. пост. дышать высокою христіанскою любовью; „выгнанное ты,

епископъ, возвращай, т. е. кто былъ въ грѣхахъ и въ наказаніе низверженъ, тому не попускай оставаться внѣ“... и т. д.

Теперь ясно, что отлученіе новозавѣтное далеко не напоминаетъ собою Ветхозавѣтнаго синагогальнаго отлученія. Это мѣра, внушаемая любовію Церкви въ видахъ, главнымъ образомъ, исправленія согрѣшившаго; это не месть, не мздовоздаяніе за совершенный проступокъ, а мѣра любви и благоразумія, объявленіе такого то, какъ своею жизнію, своимъ ученіемъ отлучившаго себя отъ Церкви, отстранившаго себя отъ единства вѣры и братской любви для предупрежденія остальныхъ отъ опасности чрезъ общеніе съ нимъ впасть въ такое же состояніе. Въ своей основѣ оно имѣетъ и мудрость и кротость: мудрость—въ отношеніи къ оставшимся вѣрными, — кротость — къ отлучаемому. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о характерѣ принудительности, физическаго насилія и если до этого потомъ дошли и выработана была цѣлая система инквизиціонная, то это извращеніе основной идеи отлученія, не оправдываемое ни апостольскимъ авторитетомъ, ни исторіей. По мнѣнію Григорія Богослова средства Церкви противъ внутреннихъ вредныхъ элементовъ— слова, а „занести еще на кого нибудь руку—совсѣмъ внѣ обычаевъ нашего двора“. Отношеніе къ отпадшему оставалось полнымъ доброжелательства. Правда, онъ становился, какъ бы язычникомъ и мытаремъ, но ни болѣе. Въ обыденныхъ человѣческихъ отношеніяхъ общеніе съ нимъ не прерывалось. Іоаннъ Злат., поясняя слова ап. въ I Кор., V, 10 говоритъ: „кто будетъ сообщаться съ язычниками, тому ап. не запрещаетъ ѣсть съ ними и не заповѣдуетъ не сообщаться съ такими людьми изъ язычниковъ потому даже, что это не только не возможно, но и излишне“, если же запрещается общеніе съ тѣмъ, кто называясь братомъ, остается блудникомъ, лихоимцемъ и т. д., то этимъ выражается вся братская попечительность о согрѣшившемъ и какъ внѣшнее выраженіе ея апостоломъ заповѣдуется лишать его общенія даже до указанной мѣры, „чтобы устыдить его“. Или

вотъ еще нѣсколько словъ изъ ап. постановл.: совместная жизнь съ ними не противна волѣ Божіей. „Видя, какъ Богъ нашъ благъ и человеколюбивъ и не оставляя мѣста для предположенія тѣмъ кои хотятъ судить безчеловѣчно и совершенно отвращая согрѣшающихъ и не имѣть общенія въ бесѣдахъ утѣшительныхъ, могущихъ привести къ покаянію, — мы „вопреки таковымъ, должны утѣшать согрѣшившихъ и возбуждать къ покаянію, а не предполагать, что за любовь къ нимъ сдѣлались общниками прегрѣшеній ихъ“ (Рус. перев., стр. 33). Даже въ отношеніи къ лжеучителямъ, людямъ и нераскаяннымъ и распространявшимъ лжеученія заповѣдуются: „а лжеучителю, хотя давайте, что нужно, но заблужденій его не принимайте и вмѣстѣ съ нимъ не молитесь“ (стр. 225). Таково было любовное отношеніе Церкви къ согрѣшившимъ, на которыхъ она ни когда не смотрѣла какъ на „дикую птицу или бѣшеннаго звѣря“, а какъ на человека, имѣющаго право на человѣческія отношенія.

И наша русская православная Церковь держится тѣхъ же взглядовъ. Въ духовномъ регламентѣ отлученіе разсматривается не какъ наказаніе, налагаемое за грѣхи, а какъ мѣра имѣющая въ виду сломить преступную волю, упорствующую въ преступномъ состояніи „съ явнымъ закона Божія ругательствомъ и посмѣяньемъ“ и „съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій“. Отлученіе не лишало человека правъ его званія и состоянія и только въ крайнемъ случаѣ въ видахъ благоразумія осторожности лишало отлученнаго общенія въ „жилищѣ, пищѣ и одеждѣ“, и то только тогда, „когда преступленіе обнаруживалось судебнымъ порядкомъ, а не чрезъ исповѣдь“ (Еп. Іоан. Церк. зак. II, 77). Наши судебные уставы 1864 г. налагаютъ на отлученнаго только одно ограниченіе, не допуская его въ свидѣтели на судѣ подъ присягою. (Суворова. Курсъ ц. права. Т. II, стр. 161, прим. 129).

Въ настоящее время дѣйствующимъ правомъ (см. Курсъ церк. права Суворова, т. II, стр. 160—2) допускаются: а) отлученіе отъ Церкви, рѣдко практикуемое, которое по

своему значенію можетъ быть приравнено скорѣе къ древнему малому отлученію и б) церковное покаяніе, сопровождаемое временнымъ лишеніемъ св. причащенія — мѣры, преслѣдующія тѣ же цѣли, что и разныя виды отлученья древней церкви.

Предубѣжденіе въ обществѣ въ отношеніи къ отлученію церковному, о которомъ мы говорили въ началѣ нашей бесѣды, оказывается безпочвеннымъ. Отлученіе, какъ дѣло любви и христіанской осмотрительности вполне естественно и необходимо. Въ нашемъ обществѣ есть много тѣхъ или другихъ частныхъ обществъ, преслѣдующихъ частныя цѣли: общества трезвости, благотворительности, попечительства, братства и т. д. Всѣ они предъявляютъ тѣ или иные требованія своимъ членамъ и подѣ условіемъ несенія добровольно взятыхъ на себя обязанностей членъ извѣстнаго общества остается членомъ. Стоитъ ему нарушить эти обязательства, а еще хуже — стать во враждебныя отношенія къ задачамъ и дѣятельности общества, какъ этимъ самымъ онъ себя отдѣляетъ отъ него и перестаетъ быть членомъ. Общество же въ видахъ главнымъ образомъ охраненія своихъ интересовъ и интересовъ дѣла, констатируетъ фактъ выхода такого члена объявляетъ его таковымъ, т.-е. вышедшимъ. Церковь — тоже общество, ставящее опредѣленныя цѣли и налагающее на своихъ членовъ тѣ или другія обязанности. Ея дѣло важнѣе всякаго другого дѣла, ибо ея конечная цѣль — приведеніе всѣхъ своихъ членовъ ко Христу. Справедливо ли будетъ ей отказывать въ той самой мѣрѣ, къ которой прибѣгаютъ человѣческія общества. Ей безконечно дороги ея интересы, каждый ея членъ; она всегда на стражѣ въ отношеніи къ тѣмъ, кто можетъ нанести ея членамъ существенный вредъ. Отъ каждаго члена она требуетъ активной дѣятельности и если ее нѣтъ, а тѣмъ хуже, если дѣятельность ея члена оскорбительна для нея, соблазнъ для другихъ, она съ душевною болью отлучаетъ такового отъ общенія съ собою, объявляя объ этомъ

остальнымъ и указывая на ту опасность въ которую впалъ отпадшій и въ которую можетъ впасть каждый, слѣдующій за нимъ. Мало этого, Церковь преимуществуетъ передъ разными человѣческими обществами: если отпавшій порвалъ съ нею связь, то она не рветъ ее: она молится за него о смягченіи его окаменѣвшаго сердца и такимъ образомъ всегда остается равною себѣ — любящею матерью, для которой дорогъ и калѣка сынъ.

Отлученіе въ примѣненіи къ гр. Л. Н. Толстому.

Въ предыдущей части нашей бесѣды мы показали значеніе и сущность отлученія и основанія его примѣненія: отлученіе есть актъ любви и благоразумія Церкви, примѣняемый къ согрѣшившимъ въ вопросахъ вѣры, упорнымъ и пропагандирующимъ свое лжеученіе во вредъ Церкви.

Необходимо разсмотрѣть религіозное и нравственное ученіе Толстого чтобы убѣдиться въ справедливости примѣненія къ нему этого акта.

Подобно тому какъ христіанская мораль стоитъ въ тѣсной и неразрывной связи съ христ. догматикою, какъ основывающаяся на послѣдней, такъ и мораль Толстого, тѣ или другія правила поведенія, рекомендуемые имъ, стоятъ въ тѣсной связи съ его религ.-философскими взглядами.

Попробуемъ изложить вкратцѣ его религіозно-философскіе взгляды.

Во всемъ мірѣ въ качествѣ основы, первоначала, причины всего разлитъ верховный разумъ, или разумное сознаніе. Это не личность; нѣтъ это сила, движущая всѣмъ, имманентно присущая каждому изъ отдѣльныхъ существъ, изъ совокупности которыхъ составляется весь нашъ видимый міръ, неподлежащая ни пространству, ни времени, ведущая всѣхъ къ конечной цѣли — къ благу, счастью, наслажденію общему для всѣхъ. Эта верховная сила, разумъ но-

ситъ названіе „отца“, „духа“. Какъ разлитая повсюду она присуща каждому человѣку, находясь въ немъ или въ состояніи полной подавленности, сна или полного бодрствованія, активной дѣятельности. Въ первомъ случаѣ человѣкъ управляется нисшими законами, законами своей „животной личности“, во второмъ—она господствуетъ въ немъ, подчиняя его „животную личность“ своимъ законамъ.

По законамъ животной личности человѣкъ разсматриваетъ себя какъ самостоятельную, самодовлѣющую личность, имѣющую безспорное право на существованіе. Мое „я“—центръ моей дѣятельности и всѣ мои усилія должны быть направлены къ развитію, охраненію этого „я“. Но съ такимъ же правомъ можетъ говорить о себѣ каждый. Отсюда столкновеніе эгоистическихъ интересовъ, борьба подавленіе личности на служеніе подобной же личности, страданія и страданія безъ конца. Человѣкъ рѣшительно заявляетъ, что для сохраненія своей личности онъ долженъ обезпечить себя, владѣть тѣмъ или другимъ: отсюда собственность, какъ то, что по праву принадлежитъ только мнѣ. Разсматривая другихъ, какъ враждебныя элементы онъ гнететъ ихъ, заставляя служить себѣ: отсюда—неравенство духовное и физическое. Конечная цѣль всей дѣятельности такого индивидуума—личное благо, личное счастье.

Но справедливо ли все это, вѣренъ ли путь, которымъ идетъ все человѣчество? И Толстой категорически отвѣчаетъ: нѣтъ. Все это колоссальное заблужденіе, обманъ. Люди сознательно закрыли глаза, чтобы не видѣть всей нелѣпости своего положенія; и стоитъ ихъ только открыть, стоитъ поставить ребромъ вопросъ: достигается ли этимъ путемъ поставленная цѣль и слѣдовательно, имѣетъ ли смыслъ вся работа отдѣльной личности и всего человѣчества;—какъ данъ будетъ тотъ же отвѣтъ—нѣтъ, такъ жить нельзя. Опытъ ежедневно убѣждаетъ, что погоня за личнымъ благомъ не увѣнчивается успѣхомъ, что живущіе такимъ закономъ, закономъ животной личности живутъ въ мірѣ страданій, въ океанѣ безысходнаго горя.

Но тогда, какъ же жить? По мимо вещества, помимо эгоистическаго, жестокаго, темнаго сознанія животной личности въ человѣкѣ есть нѣчто иное, высшее, со всею убѣдительностью свидѣтельствующее о томъ же — о невозможности такъ жить, о нелѣпости, злѣ такого порядка: это — разумъ и совѣсть. Общій всѣмъ людямъ онъ и говоритъ во всѣхъ одно и тоже: личность безпочвенна, зла эгоистична; ея цѣль недостижима. И онъ зоветъ на новый путь — путь служенія, не личности а благу всего человѣчества, благу всѣмъ. Вещество — временно и потому уничтожимо, такъ же временна и уничтожима животная личность; неуничтожимъ только разумъ въ человѣкѣ, то опредѣленное отношеніе, которое занимаетъ человѣкъ ко всему міру, ко всему окружающему. Это та частичка безличнаго верховнаго разума, которая присуща всѣмъ и отличительною чертою которой является ея неподчиненность формамъ пространства и времени: она вѣчна и это говоритъ за осуществимость поставленной цѣли. И это не утопія. Царство Божіе должно быть осуществлено на землѣ и оно осуществится. Стоитъ всѣмъ понять и сознать какъ ничтожна личность, какъ глупо служить ея интересамъ и наоборотъ какъ высоко, свято — служить интересамъ ближняго и Царство Божіе воцарится на землѣ. — Что же для этого нужно дѣлать? И прежде всего — подавить въ себѣ личность со всѣми ея требованіями, низвести ихъ до minimum'a, „опроститься“; сдѣлать такъ чтобы при удовлетвореніи этихъ потребностей не страдалъ ближній, не заѣдалась его жизнь; нужно самому взяться за это дѣло и путемъ физическаго труда удовлетворять своимъ естественнымъ нуждамъ. „Первое и несомнѣнное дѣло то, чтобы кормиться, одѣваться, отапливаться, обстраиваться и въ томъ же помогать другимъ, потому что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, въ этомъ самомъ состояла и состоитъ несомнѣнно обязанность cadaго“. Я долженъ трудиться руками своими, чтобы ѣсть свой, а не чужой хлѣбъ, и долженъ ѣсть, чтобы трудиться. „Нужно усвоить тотъ простой и правдивый взглядъ, съ которымъ вырастаетъ каждый ра-

бочій человекъ, что человекъ есть прежде всего машина, которая заряжается ѣдой (чтобы работать) и что поэтому стыдно, тяжело, нельзя ѣсть и не работать (физически), что ѣсть и не работать — это самое безбожное, противуестественное и потому опасное положеніе въ родѣ содомскаго грѣха“. Теперь, когда человекъ опростился, когда его близкій ему ненуженъ, какъ работающій на него, онъ долженъ перейти къ слѣд. обязанности — помощь въ томъ же своему ближнему: нужно сдѣлать такъ, чтобы я былъ всѣмъ полезенъ. Въ мірѣ масса страданій: люди мрутъ отъ голода, холода, отъ скверныхъ условій жизни. Чтобы служить имъ, быть полезнымъ, недостаточно того обычнаго способа служенія имъ — благотворительности, къ которому такъ часто прибѣгаютъ. Такого рода служеніе, служеніе деньгами — безнравственность и зло. Въ крайнемъ случаѣ за нимъ можно признать только начало избавленія отъ зла, ибо отдавая деньги, я освобождаюсь отъ нихъ, т. е. отъ зла. Нужно стать въ близкое отношеніе къ ближнему, своими руками, своимъ горбомъ помочь ему и тогда только будетъ сдѣлано великое, святое дѣло.

Нужна ли при такихъ условіяхъ собственность, деньги? Нѣтъ — это лишняя обуза. Собственностью является только самъ человекъ, все остальное — не его. Такъ само собою рушится то, что всегда было преградой въ дѣлѣ служенія ближнему; исчезаетъ собственность, производящая раздѣленіе въ людяхъ на двѣ самыя главные касты — имущихъ и неимущихъ; исчезаетъ тотъ ложный стыдъ, въ силу котораго, человекъ хорошо сознавая всю нечестность пользованія своимъ богатствомъ, пользовался имъ и откупался отъ угрызеній совѣсти мелкими подачками на дѣла благотворительности; рушится и городъ, какъ мѣсто скопленія собственности и эксплуатаціи чужого труда. Этого мало. Разъ основа жизни перемѣнена, то и всѣ слѣдствія должны быть уничтожены. Все то, что способствовало развитію личности, ея охраненію теперь не нужно. Общественный, государственный строй жизни, тюрьмы, каторга, войска,

суды, присяга, торговля, промышленность и пр. и пр. все это теряет подъ собой почву и уничтожается. Уничтожается даже все то, что выражает собою результатъ или проявленіе личнаго развитія — науки, искусства. Они требуютъ высоко развитыхъ личностей, а главное, они бесполезны, плодятъ трутней, живущихъ на чужой счетъ и не приносящихъ ни капли пользы. Наука должна быть одна — о цѣли человѣческой жизни, ея смыслъ и искусство должно быть одно — какъ выраженіе науки, ея демонстрированіе. Если какая наука или искусство допустимы, то только тѣ, которыя приносятъ прямую и несомнѣнную пользу людямъ опростившимся: каждый изъ крестьянъ напр. (ихъ Толстой беретъ за образецъ опрощенія) имѣетъ дрянныя картинки, и художникъ, если желаетъ имѣть почву подъ своими ногами, долженъ сюда направлять свое вниманіе и рисовать эти картинки изящно и хорошо; крестьянинъ играетъ на гармошкѣ, а баба поетъ пѣсни и музыкантъ долженъ научить мужика играть хорошо на гармошкѣ, а бабу — пѣть пѣсни; у крестьянина есть спросъ на книги и онъ потребляетъ произведенія дряннаго, безграмотнаго рынка и поэтъ вмѣсто писанія повѣстей, стиховъ и пр. долженъ писать простенькіе рассказы, сказки и пр. Можетъ случиться, что все это не понадобится и поэтъ, художникъ, музыкантъ перестаютъ существовать какъ таковые, а должны вмѣстѣ съ другими взяться за соху.

Изъ этихъ высокихъ обязанностей человѣка — обязанностей физическаго труда, какъ средства борьбы съ природою, и взаимообщенія съ ближнимъ для оказанія имъ помощи вытекаютъ и нѣкоторыя другія: жизнь въ деревнѣ въ общеніи съ природою, гдѣ меньше потребностей у человѣка и легче ихъ удовлетворить; семья, — не та развратная, которую представляетъ намъ современное общество, а цѣломудренная, гдѣ супруги помощники другъ другу, а дѣти — утѣха. И какъ прямой выводъ изъ всего этого новаго строя жизни — здоровье человѣка и безболѣзненная смерть.

Каковъ же конечный исходъ всего человѣчества, въ

частности, отдѣльнаго человѣка? Его путь ясенъ — опроститься и помогать другому. Онъ идетъ самоотверженно по нему, движимый сознаниемъ негодности своей животной личности, ея безсмыслины, готовностью отдать ее другому, что тоже любовью (ибо любовь такъ именно опредѣляется Толстымъ). И когда благо его личной жизни чрезъ достиженіе общаго блага не можетъ больше увеличиться, онъ умираетъ. Не понявшій истинной жизни, живущій эгоистическою жизнью, равно — идущій по новому пути — одинаково умираютъ отъ того, что больше благо ихъ личной жизни не можетъ быть увеличено. Но умирая человѣкъ не уничтожается, ибо если вещество тѣло, его животная личность уничтожимы, то не уничтожимо разумное сознаніе. Правда, какъ личность, человѣкъ не обладаетъ безсмертіемъ; онъ безсмертенъ по столько, по скольку его разумъ сольется съ безконечнымъ, безличнымъ, вѣвременною разумомъ. Но онъ не уничтожится и въ другомъ отношеніи: воспоминаніе о немъ въ его потомкахъ будетъ жить, жить и дѣйствовать, такъ какъ благородная жизнь умершаго какъ бы входитъ въ другого, помогаетъ ему идти тѣмъ путемъ, которымъ онъ шелъ и, следовательно, живетъ въ другомъ; этотъ другой — въ третьемъ и т. д. до безконечности. Когда же всѣ воплотятъ въ своей жизни, этотъ новый принципъ жизни для другихъ, а не для себя, когда, значитъ, цѣль мірового процесса кончится: людямъ станетъ доступно общее благо и исчезнутъ страданія, тогда все человѣчество теряетъ свой *raison d'être*, какъ выполнившее свою задачу и должно будетъ сойти со сцены, прекратить свое существованіе.

Съ этой, главнымъ образомъ стороны, разъясняется и значеніе половой любви, къ которой такъ враждебно относится Толстой.

То, что всѣ люди считали и считаютъ святымъ, возвышеннымъ, скрашивающимъ нашу сѣрую, будничную жизнь, во имя имя чего совершено было столько прекраснаго, благороднаго — половая любовь есть мерзость и зло. Она зло и по столько, по скольку результатомъ ея является все по-

вые и новые индивидуумы, какъ показатель того, что процессъ совершенствованія челоѣчества не окончился, такъ и потому, что въ ней нѣтъ ничего благороднаго, возвышеннаго. Это просто животная похоть, нѣчто мерзкое, животное, свинское. Одно лицо предпочитаетъ другое, какъ предметъ своей эгоистической страсти. Какъ соединенные животною похотью такія лица не могутъ отдаваться духовной жизни. Вся ихъ брачная жизнь — сплошной обманъ. Велѣдъ за удовлетвореніемъ страсти наступаетъ пресыщеніе, а вмѣстѣ съ нимъ ненависть другъ къ другу. Отсюда раздоры, неурядицы, калѣченье жизни своей и своихъ дѣтей. Последнія — не утѣха, не связь, еще крѣпче привязывающая другъ къ другу любящихъ; нѣтъ, — это скорѣе узы, которыми связаны два соучастника въ преступленіи. Они — новый источникъ заботъ, горя, страданій. Поэтому бракъ, какъ условіе обладанія извѣстною женщиною, есть открытое разрѣшеніе на развратъ. Толстой предвидитъ, что вся эта ломка строя и политическаго и общественнаго поведетъ къ борьбѣ противъ его ученія и онъ даетъ рядъ правилъ, какъ вести себя, въ отношеніи къ тѣмъ, кто противится истинѣ и не желаетъ ее воспринять. Положительное правило воздѣйствія на ближняго личнымъ общеніемъ и помощи ему физическимъ трудомъ остается въ силѣ; присоединяются отрицательныя правила, которыя всегда и вездѣ имѣются у него, какъ опредѣляющія, чего не должно дѣлать, чтобы избѣжать зла. Это шесть его правилъ, изъ которыхъ одно основное, а пять остальныхъ — частныя правила, приложенія, примѣненія того же основного въ частныхъ случаяхъ. Не противься злу, потому что ты не знаешь, останавливая зло, дѣлаешь ли ты добро, или еще большее зло, а насиліе ближнему во всякомъ случаѣ причиняешь; даже если бы при тебѣ убивали челоѣка, ты не противься злу и пройди мимо (эта мысль наглядно, вполне опредѣленно высказана въ его народной легендѣ „Крестникъ“): внимательство крестника въ происходящее предъ его глазами зло приводитъ къ еще худшимъ послѣдствіямъ: разбуженный во время отецъ крестника ловитъ вора Ваську на полѣ,

отдаетъ его подъ судъ; сажаютъ Ваську на два года въ тюрьму и изъ него выходитъ отъявленный негодяй; предупредилъ крестникъ свою крестную мать, указавъ на безпутство ея мужа и вышло еще хуже: мужъ окончательно бросилъ свою жену и закутилъ, а крестная мать послѣ этого спилась; и наконецъ, благодаря вмѣшательству того же крестника, разбойникъ, покушавшійся на жизнь ближняго, былъ убитъ и этимъ навсегда потерялъ возможность путемъ доброй жизни искупить свои грѣхи). Поэтому, если тебя оскорбили, не гнѣвайся, если оскорбили дорогое тебѣ, осквернили твою святыню, ты не гнѣвайся ибо ты со всѣми долженъ жить въ мирѣ, и не произноси браннаго слова, оскорбительнаго для твоего ближняго. Не судись, такъ какъ здѣсь ты отстаиваешь свою личность, защищаешь ее, чего не должно быть, противишься злу и воздаешь зломъ за зло. Не разводишься съ женою, ибо если совмѣстная жизнь съ ней—грѣхъ, то еще большій грѣхъ жить врозь: это открытое разрѣшеніе на развратъ. Не воюй,—ибо это особенно разительный способъ борьбы зломъ, когда ты уничтожаешь жизнь ближняго, то, что единственно цѣнно на землѣ, силою отстаивать ложь и обманъ существующаго строя. И наконецъ, не клянись, не присягай, ибо это одно изъ средствъ поддержанія зла на землѣ, дѣленія людей на государства, утвержденія существующаго порядка; это освященіе обмана именемъ Божиимъ.

Подведемъ итоги всему сказанному.—Нельзя не обратить вниманіе на то, что вопросами религіозно-метафизическими Толстой мало интересуется. Вопросы такъ наз. христіанской догматики онъ не только обходитъ, но и рѣшеніе ихъ прямо высмѣиваетъ, находя его нелѣпымъ, бессмысленнымъ: „разъясненія или вымыслы безконечно различны о томъ, какъ произошелъ міръ или грѣхъ, что будетъ послѣ смерти, правда ли, что три Бога составляютъ одного, правда ли что человѣкъ (Исусъ Христосъ) умеръ и воскресъ, ходилъ по водамъ, улетѣлъ на небо въ тѣлѣ, что, съѣдая хлѣбъ и

вино я съѣдаю тѣло и кровь, что Богъ ходилъ въ столпѣ облачномъ... — но рѣшеніе разума одно и то же: это неправда. О Богѣ ничего нельзя сказать кромѣ того, что Онъ существуетъ и есть первопричина всего; Онъ непостижимъ для насъ. Въ разумѣ и совѣсти человѣка Онъ открылъ свою волю и требуетъ ея выполненія, принесенія плода и только. По столько, по сколько онъ имманентенъ, присущъ міру Онъ въ мірѣ и, какъ давшій таковой, принимаетъ участіе въ его судьбѣ. Но какъ безличный, Онъ не допускаетъ живого, личнаго общенія съ собою. Толстого больше интересуютъ вопросы человѣческой этики и вся его система — попытка пересоздать все человѣчество въ видахъ достиженія общаго блага. Допустима только одна настоящая жизнь и въ предѣлахъ ея надо устраивать свою и всего человѣчества судьбу. Зачѣмъ жертвовать вѣрнымъ настоящимъ для какого то сомнительнаго обезпеченія сомнительнаго будущаго. Разъ признается только настоящее, нужно постараться устроить его возможно лучше: побольше удовольствій, поменьше страданій. Чрезъ общее уменьшеніе страданій достигается и земное благо: работая на другихъ я живу, живу истинною жизнью. И когда моя работа будетъ доведена до возможнаго для моихъ силъ предѣла и личное мое благо моими силами, моей работой больше не въ состояніи будетъ увеличиваться, кто то невидимою рукою оборветъ нить жизни и моя личность исчезнетъ, уступая мѣсто работѣ другихъ личностей. Этимъ путемъ, путемъ дѣланія добра и завоеванія все большаго и большаго числа служителей разумнаго сознанія зло — т. е. страданіе будетъ разсѣяно и исчезнетъ. Но человѣчество раньше не можетъ уничтожиться, какъ послѣ достиженія этой цѣли, иначе его бытіе не будетъ имѣть смысла. И такъ, не заглядывая въ будущее, не задаваясь иными вопросами, считая ихъ пустыми, праздными, каждый пусть возмется за физическій трудъ и за служеніе имъ общему благу.

Насколько умѣли и насколько позволялъ матеріалъ мы изложили ученье Толстого по вопросамъ религіи и морали. Въ нашу задачу не входитъ опроверженіе тѣхъ или иныхъ его взглядовъ, а только объективное ихъ изложеніе. Слѣдуя строго намѣченному плану мы перейдемъ къ сравненію ученія Толстого съ ученіемъ Христовой Церкви, чтобы, съ одной стороны, показать не только несоотвѣтствіе одного другому, но прямое отрицаніе первымъ второго, взаимное ихъ исключеніе, а съ другой, показать этимъ самымъ всю справедливость приложенія къ Толстому отлученія, какъ къ отлучившему себя отъ Церкви и ставшему къ ней во враждебное положеніе.

Въ нашемъ обществѣ существуетъ странное представленіе о Толстомъ, какъ о христіанинѣ, или если не о христіанинѣ, то какъ о человѣкѣ, своимъ ученіемъ оказывающемъ большую, незамѣнимую услугу православной Церкви. Больше горячіе — вродѣ фельетониста „Нов. Времени“, или покойнаго Н. Страхова заявляютъ со всею категоричностью, что Толстой „основываетъ свою проповѣдь на истинномъ разумѣніи евангельскихъ заповѣдей“, ставитъ вопросы истинной морали и религіи и даетъ имъ разумное толкованіе и освѣщеніе, является представителемъ истинной христіанской религіи и т. д. Менѣе горячіе ограничиваютъ его заслугу: они допускаютъ возможность погрѣшимости въ ученіи Толстого въ отношеніи нѣкоторыхъ религіозныхъ и нравственныхъ истинъ; но, многозначительно замѣчаютъ: „въ такой вѣкъ, когда всякая религія и всякая нравственность болѣе или менѣе откровенно объявляется иллюзіей или обманомъ, самымъ убѣжденнымъ защитникамъ религіи и нравственности слѣдовало бы помнить болѣе, чѣмъ когда либо, что тотъ, кто не противъ насъ, тотъ за насъ“; -- или, что Толстой приводитъ ко Христу и ему можно придать такое же значеніе, какое въ до христ. время Сократу, напр. И поверхностное знакомство съ его ученіемъ, пожалуй, можетъ подтвердить такой взглядъ на него. „Знакомясь въ первый разъ съ нравственными воззрѣніями Толстого, говоритъ одинъ

изъ его критиковъ слышимъ знакомыя вполнѣ слова: отречение отъ личности, самоотверженіе, безкорыстная любовь, Богъ, Отецъ небесный, Христосъ и т. п.; радуемся, что христіанская мораль нашла себѣ художника-выразителя, слово котораго будетъ дѣйственнѣе въ нашемъ обществѣ, чѣмъ „слишкомъ простыя и безыскусственные слова“ Евангелія...; но впечатлѣніе мѣняется, когда начинаешь освобождать его нравственные подлинныя воззрѣнія отъ ихъ художественной оболочки... и надо удивляться, какъ находятся люди, толкующіе объ истинномъ христіанствѣ Толстого“.

Да, подъ знаменемъ Христа и Его святымъ именемъ нерѣдко становились лица, не только не имѣвшіе къ Нему отношенія, но и прямо враждебныя Ему. Знамя честное и благородное и неудивительно, что на него претендуютъ многіе; оно сообщаетъ авторитетъ тому, кто идетъ подъ нимъ, ибо оно синонимъ всего святого, возвышеннаго. Можно допустить даже своего рода кражу, чтобы съ большимъ основаніемъ пропагандировать то, или иное ученіе. Вѣдь ничего нѣтъ легче, какъ наклеить себѣ ярлыкъ, стать самозванцемъ: когда еще раскроется обманъ; а пока найдется не мало наивныхъ простаковъ, которыхъ такъ легко одурачить, не мало довѣрчивыхъ людей, которое со всею искренностью повѣрятъ во взятый на прокатъ ярлыкъ, въ самозванца, какъ въ вполнѣ порядочнаго, честнаго человѣка.

Мы совершенно не знаемъ точекъ соприкосновенія между истиннымъ христіанствомъ и ученіемъ гр. Толстого кромѣ внѣшнихъ и случайныхъ. То существенное, что въ ученіи Христа составляетъ его душу — высочайшія догматическія истины Толстымъ отрицаются; то что является прямымъ выводомъ изъ перваго — вся этика христіанская, оторванная отъ своей основы, является беспочвенною, извращенною; то личное тѣсное общеніе между слабымъ человѣкомъ и всемогущимъ Богомъ, доступное въ христіанствѣ, необходимое въ каждой религіи — таинства и молитва высмѣиваются, признается дикимъ суевѣріемъ, мороченьемъ толпы, средствомъ загниотизировать ее.

Начнемъ съ догматики. Мы уже говорили, что вся она въ ученіи гр. Толстого изгнана въ силу требованія разумнаго сознанія говорящаго, что все это сплошная неправда. Отрицается и то общее всѣмъ религіямъ ученіе о личномъ Божествѣ и его отношеніи къ міру равно отрицается и все составляющее самое великое, самое характерное въ религіи христіанской. Ученіе о боговоплощеніи и искупленіи человечества крестными страданіями Христа не найдетъ мѣсла у него. Какъ можетъ безличный Богъ воплотиться, стать личнымъ, какъ можетъ вступить во взаимоотношеніе то, что непримиримо и взаимоисключаетъ другъ друга: матерія, животная личность — начало злое и высочайшій разумъ — начало доброе. Ихъ соединеніе, которое мы наблюдаемъ въ человѣкѣ ведетъ только ко взаимной борьбѣ и къ подавленію одного другимъ: никакого соглашенія между ними не можетъ быть. Да и зачѣмъ понадобилось боговоплощеніе и искупленіе? Человѣкъ своими силами прекрасно можетъ обойтись, исполнить свою нетрудную жизненную задачу. Что искуплять? Матерію, животную личность — но они уничтожимы и ихъ искупленіе бессмыслица; разумное сознаніе — но оно само по себѣ непогрѣшимо, божественно. Нѣтъ свободы воли, нѣтъ и грѣха: все движется и дѣйствуетъ по строго опредѣленнымъ законамъ. Животная личность стремится къ развитію своему, потому что таковъ ея законъ; разумное сознаніе требуетъ работы, направленной къ общему благу, потому что таковы его законы. Человѣкъ оцѣниваетъ свои поступки со стороны ихъ полезности и того удовольствія, которое они доставляютъ какъ ему, такъ и другимъ. Дается мѣрка чисто внѣшняя и не опредѣляющая поступокъ со стороны внутренняго нравственнаго закона. Итакъ, боговоплощеніе — нелѣпость, искупленіе — безцѣльно и не нужно.

Не можетъ быть рѣчи о троичности лицъ въ Богѣ, который безличенъ и безконеченъ. „Онъ заключилъ себя въ отдѣльныя тѣла существъ и въ тѣло отдѣльнаго человѣка, единое какъ бы раздѣлилось само въ себѣ“ и поэтому о Немъ съ одинаковымъ правомъ можно говорить, что Боговъ

10, 20, 100, какъ и то, что Онъ одинъ. Его отношенія къ міру, отношенія неумолимой, слѣпой силы природы, отношенія суроваго хозяина, давшаго извѣстный урокъ людямъ и требующаго во что бы то ни стало его выполненія; это отношеніе полное жесткости и холода. Такъ или иначе Онъ добьется своего: по удачному выраженію Мережковского Богъ Толстого страданіями загоняетъ человѣка на путь любви, какъ зайца гончими. Это любовь — любовь изъ подъ палки и нѣтъ ничего бязобразнѣе, холодное, жестче, чѣмъ такая любовь. Такой Богъ — Богъ не живыхъ и не мертвыхъ, Богъ духовныхъ скопцовъ, холодныхъ къ вѣрѣ и безвѣрію. Что же за личность Христосъ? Что это не сынъ Божій въ христ. смыслѣ, это не подлежитъ сомнѣнію. Это простой, нищій іудей, жившій въ опредѣленное время, учившій жить по правдѣ, по любви, по разуму, по Божьи, показавшій, что, слѣдуя его ученію, человѣчество съ выгодною для себя можетъ прожить безболѣзненно. Онъ умеръ на крестѣ и исчезъ, какъ исчезаетъ каждая человѣческая животная личность. Если его и можно назвать Сыномъ Божиимъ, то въ томъ же смыслѣ въ какомъ можно назвать каждого человѣка: „сынъ человѣческій“ — это частица разлитаго въ міръ божества, данная каждому человѣку „для освобожденія ея изъ подъ власти животнаго начала“ съ тѣмъ, что бы по разрушеніи человѣка она вновь слилась съ своимъ первоисточникомъ „отцомъ“. Все, сообщенное Христомъ, строго говоря, не представляетъ ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что имѣло уже человѣчество въ ученіи другихъ своихъ мудрецовъ, начиная отъ Моисея, Исаи, Конфуція, древнихъ грековъ, Будды, Сократа и до Пасхалия, Синнозы, Фихте, Фейербаха. Онъ только яснѣе формулировалъ путь, которымъ должны идти люди. Но этотъ путь въ настоящее время, утерянъ: всѣ идутъ ложною дорогою, не сознавая этого. Вскорѣ послѣ смерти Христа руководители общины, основанной Имъ, сознательно исказили его ученіе, приспособивъ его существовавшему языческому и государственному строю жизни. Окончательный же разрывъ между метафизи-

ческою и этическою сторонами ученія Христа совершился во времена Константина Великаго, когда найдено было возможнымъ весь языческій строй жизни, не измѣняя его, облечь въ христіанскія одежды и потому признать христіанскимъ: метафизика беретъ перевѣсъ надъ этикой христіанства, и получилась возможность признать и освятить и разводъ и рабство и суды и всѣ тѣ власти, которыя были и войны и казни... Виновница всего этого была, такъ называемая Церковь, допустившая сознательный обманъ и продолжающая держать всѣхъ въ этомъ обманѣ. И ничто такъ не возмущаетъ Толстого, ничто не вызываетъ такихъ грубыхъ издѣвательствъ, бездоказательной богохульной брани, какъ именно Церковь и ея представители — іерархія. Последней было выгодно держать толпу въ обманѣ. Она присвоила себѣ какія то божественныя права, право толкованія евангелія, выдумала дикіе и нелѣпыя догматы, и заставила другихъ признать эти права; а своимъ богослуженіемъ, обрядами, пѣніемъ, торжественной и величественной обстановкой она гипнотизировала и продолжаетъ гипнотизировать толпу, давая ей вмѣсто здороваго ученія ядъ.

Все это — таинства, обряды, богослуженіе, догматы — лишнее и ненужное. Можно спастись, т. е. жить по Божьи, по совѣсти, такъ какъ тѣ три старца, которые всю жизнь свою повторяли бессмысленную фразу: „трое васъ, трое насъ помилуй насъ!“ и которые еще при жизни получили даръ чудотворенія.

Итакъ, надъ всѣмъ догматическимъ ученіемъ христіанства ставится крестъ. Вмѣсто грандіозной системы христ. ученія, стройной во всѣхъ ея частяхъ дающей отвѣтъ на глубочайшіе вопросы разума, предлагается сухое безсодержательное полное противорѣчій, пантеистическое ученіе съ примѣсью древне-гностическихъ воззрѣній. На мѣсто живой, полной любви религіи, признающей живого личнаго Бога ставится религія безъ Бога и христіанство безъ Христа: Богъ — это сумма разумовъ всѣхъ людей, человѣкъ — частичка божества, заключенная въ инертную, грѣховную мате-

рію; одинъ безъ другого не мыслимъ и они взаимно обосновываютъ другъ друга. Человѣкъ предоставляется собственнымъ своимъ силамъ и долженъ самъ по себѣ устроить свое личное счастье въ этой кратковременной жизни. Небо для него закрыто и безмолвно и онъ тщетно въ минуты безисходнаго горя будетъ къ нему простирать руки. Небо опустѣло, Богъ низведенъ съ него насильно, раздѣлился, разсѣялся среди людей и исчезъ. Съ нимъ стало то же, что съ солнцемъ, если бы послѣднее каждый по своему желанію могъ прятать въ свой домъ, въ свою лачугу: оно перестало бы быть тѣмъ всеобщимъ источникомъ тепла и свѣта, какимъ оно есть и обратилось бы въ тотъ маховъскій огонекъ, вокругъ котораго грѣются тѣ, кто раньше другихъ захватилъ его: не стоитъ тогда и помогать, къ нему стремиться; каждый самъ себѣ зажжетъ свой собственный достаточный для него огонь.

Свящ. Д. Матвѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

**ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ОТЛУЧЕННЫМЪ ВООБЩЕ
И КЪ ГР. Л. ТОЛСТОМУ ВЪ ЧАСТНОСТИ. *)**

Христiанская этика стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ христiанской догматикой и каждый изъ христiанскихъ догматовъ, такъ сказать, самъ по себѣ вполне нравствененъ и служитъ основаніемъ тому или другому нравственному по-

*) См. № 10 „Гол. Епарх. Вѣд.“ 1901 г.

ложенію. Поэтому съ отрицаніемъ догматики тѣсно связано у Толстого если не отрицаніе христіанской этики, то полное ея извращеніе. Правда, здѣсь чаще, чѣмъ по какому либо другому поводу мы слышимъ знакомыя слова: любовь, самоотверженіе, безкорыстіе, служеніе ближнему, трудъ и пр. и пр., но тѣмъ съ большимъ вниманіемъ надо отнестись къ этикѣ Толстого, чтобы не быть обманутымъ, подкупленнымъ кажущеюся тождественностью съ этикою христіанскою.

И прежде всего, какова бы ни была мораль Толстого, эта мораль беспочвенна, лишена внутренней самооправдывающей ея силы.

Чтобы жить по Божьи, по христіански не достаточно голоса разумнаго сознанія и его требованій. Чтобы сознательно и разумно идти по данному пути — а въ данномъ случаѣ — по пути исполненія воли божественной, человѣкъ долженъ знать, что эти велѣнія, дѣйствительно, Божіи, обладаютъ непререкаемымъ авторитетомъ; затѣмъ, что эти велѣнія осуществимы, и вся дѣятельность человѣка не представляется верченіемъ бѣлки въ колесѣ, что я могу дѣйствительно быть тѣмъ богоподобнымъ существомъ, къ званію котораго я стремлюсь, что есть же какой нибудь болѣе осмысленный конецъ, кромѣ моего уничтоженія, безсмысленной гибели всего того, надъ чѣмъ я трудился всю жизнь. И, наконецъ, что въ этомъ далеко не легкомъ шествіи по пути добра, когда мои силы ослабѣваютъ и колѣни подгибаются, когда зло съ ужасной силой вопреки всякой логикѣ охватить меня, — я получу нужную мнѣ свыше поддержку и какъ блудный сынъ, возвращаясь даже мысленно только къ своему небесному Отцу, увижу Его идущимъ мнѣ навстрѣчу и протягивающимъ руку помощи. Никто такъ хорошо не выразилъ той внутренней, полной трагизма борьбы, происходящей въ человѣкѣ, борьбы между добромъ и зломъ, какъ тотъ, кто самъ былъ просвѣтленъ свыше — ап. Павелъ — „не понимаю, что дѣлаю, говоритъ онъ въ посл. къ Римл., потому что не то дѣлаю, что хочу, а что нена-

вижу, то дѣлаю... Желаніе добра во мнѣ есть, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добра котораго хочу, не дѣлаю; а зло, котораго не хочу, дѣлаю... вижу въ членахъ моихъ иной законъ (яѣмъ Божій), противоборствующій закону ума моего и дѣлающей меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. (Римл. УІІ, 14, 15, 19, 23). А истинное христіанство говоритъ, что заповѣди Христа — заповѣди Его всемогущаго Отца, что признаніе ихъ и того, кто далъ ихъ — вѣра въ него устанавливаетъ тѣсную неразрывную связь между человѣкомъ и Богомъ, вводитъ послѣдняго внутрь человѣческаго существа; что Тотъ, Кто далъ заповѣди, Самъ предварительно по человечеству ихъ выполнилъ и осуществилъ, — и слѣдовательно, мы имѣемъ высочайшій образецъ и ручательство за исполнимость возложеннаго на насъ долга, что наша личность не уничтожится: подобно нашему Искупителю, чрезъ смерть вошедшему въ славу, и мы чрезъ смерть войдемъ въ нее; что Тотъ, Кто самъ по человечеству съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами многими взывалъ къ Отцу, и получилъ отъ Него помощь, подастъ въ нужныя минуты такую же помощь и намъ.

При такихъ условіяхъ жизнерадостнѣе, яснѣе мы смотримъ на міръ Божій, всѣмъ сердцемъ, душою отдаемся дѣлу, зная, что насъ, какъ и другихъ ждетъ наше личное благо, благо, не возбуждающее въ другомъ чувства зависти, злобы, а напр. чувство сорадованія, умиленія. Нашъ путь тернистъ: страданія и горе — спутники нашего шествія, злоба и ненависть встрѣчаютъ работника во имя Христова. Но мужество наше въ этой работѣ неизсякаемо. Какъ воины Христовы, мы активно боремся со зломъ, ибо пассивная борьба, борьба непротивленіемъ только усиливаетъ зло. Само по себѣ добро однимъ своимъ присутствіемъ не уничтожаетъ зла, какъ не уничтожилъ Христосъ своею божественною личностію зла въ сердца Іуды, Каіафы, Ирода и др. Это двѣ силы активныя, и побѣда добра дается только послѣ упорной борьбы. Наша цѣль — не уничтоженіе

страданій, а постепенное нравственное совершенствованіе, не работа физически только и полученіе чрезъ это внутр. довольства, а работа духа надъ самимъ собою, борьба со зломъ въ самомъ себѣ и въ ближнихъ. Мы душу свою положимъ за други своя и, видя невиннаго и слабаго страдающимъ, отъ руки развратника или разбойника, мы вступаемъ съ нимъ въ борьбу, постараемся остановить зло, даже если бы пришлось убить послѣдняго, а не пройдемъ мимо съ спокойною совѣстью. Знаемъ хорошо, что это убійство грѣхъ, но знаемъ также то, что этимъ мы дѣлаемъ ближнему добро, остановивъ совершаемое надъ нимъ насиліе. Позднѣе, мы горючими слезами, путемъ несенія церковной эпитиміи искупимъ это вынужденное убійство. И когда дни наши склонятся къ закату, насъ не охватитъ тотъ ужасъ, который охватилъ предъ смертью толстовскаго Ивана Ильича, трепетавшаго и бившагося, когда ему пришлось влѣзть въ темный мѣшокъ смерти. Вѣра въ личнаго Бога, въ Его милосердіе и всепрощающую любовь; вѣра въ то, что, переселяясь въ загробный міръ, мы переселяемся въ свое настоящее отечество, дастъ намъ мужество стать лицомъ къ лицу предъ таинственнымъ будущимъ.

Напрасно мы бы стали искать у Толстого обоснованія его морали. Выхвачены нѣкоторые нравственные требованія изъ евангелія и поставлены въ основу всей этики. Чисто отрицательное требованіе Христа о непротивленіи злу принято Толстымъ, какъ самая существенная и главнѣйшая заповѣдь, какъ принципъ жизни, какъ будто бы отрицательнымъ требованіемъ опредѣляется и можетъ быть опредѣленъ весь строй жизни человѣка, какъ будто бы имъ указывается что либо положительное, что долженъ дѣлать человѣкъ. Вопросъ о томъ, почему и зачѣмъ я долженъ этимъ принципомъ руководиться, а не другимъ — остается нерѣшеннымъ: авторитета внѣшняго, авторитета законодателя этотъ принципъ не имѣетъ, потому что Христосъ, давшій его — простой смертный, который могъ такъ же заблуждаться, какъ и другіе; нѣтъ авторитета и внутренняго, такъ какъ ничто не гово-

рить за его дѣйствительность и мощь: опытъ, наоборотъ, говоритъ о его непрочности, зло только растетъ и ширится при пассивности добра, при непротивленіи ему, а чело-вѣческая совѣсть возмущается при безучастномъ отношеніи къ страданію ближняго. Отъ принципа, полагаемаго въ основу всей дѣятельности человѣка должно требовать, чтобы онъ былъ движущею силою въ этой дѣятельности, вдохновлялъ, ободрялъ человѣка; отсюда, въ самомъ существѣ своемъ онъ долженъ быть активенъ, долженъ требовать борьбы, давать силы къ ней и побѣждать; ничего подобнаго не представляетъ собою принципъ непротивленія злу, замыкающій человѣка въ немъ самомъ, связывающій ему руки, когда надо дѣйствовать.

Выдвигается на первый планъ, какъ положительное требованіе физическій трудъ и помощь ближнему. [Но это во всякомъ случаѣ не принципъ и не основныя заповѣди. Это средства, чрезъ которыя осуществляется принципъ и притомъ средства, не исчерпывающія собой принципа. Онъ можетъ выражаться и во многомъ другомъ. Благодаря же тому, что на первый планъ ставится физическій трудъ, удовлетвореніе своимъ низшимъ потребностямъ — дѣятельность человѣка съуживается до невозможности: его высокіе порывы гаснутъ одинъ за другимъ, какъ незаконныя, они грѣховны, неумѣстны, пока не удовлетворена собственнымъ трудомъ чело-вѣческая плоть. Надо сначала насытить себя, обшить, построить домъ и пр. и тогда, если остается досугъ — отвести время размышленію, чтенію, словомъ удовлетворенію высшихъ потребностей. Получается какая то странность: та сама животная личность, которая не заслуживала по теоріи никакого вниманія, дѣлается повидимому центромъ дѣятельности человѣка, а разумное сознаніе съ его потребностями отстраняется, приносится въ жертву животной личности. И въ ближнемъ мы должны видѣть прежде всего физическую особь и ей помогать, т. е. поддерживать ту же животную личность, которая отрицается въ ея правѣ на существованіе и признается зломъ.

Безспорно, что и физическій трудъ и взаимопомощь — нужны и являются ничемъ инымъ, какъ требованіями нравственнаго закона, но видѣть въ нихъ сущность, это то же, что въ деревѣ, напр., самымъ существеннымъ и главнымъ считать вѣтки, или въ домѣ — потолокъ, забывая про корни и фундаментъ. Понятно, что при такой постановкѣ дѣла, можно много найти важныхъ заповѣдей и изъ нихъ не выдѣлить важнѣйшей. Одна дама въ „Трехъ разговорахъ подѣ пальмами“ говоритъ: „то мы слышимъ, что главная суть въ нагорной проповѣди, то вдругъ говорятъ, что прежде всего нужно трудиться въ потѣ лица надъ земледѣліемъ...; то говорятъ, что все нужно раздать нищимъ, а то — никому ничего не давать, потому что деньги зло и не хорошо дѣлать зло другимъ, а только себѣ и своей семьѣ, а для другихъ нужно только трудиться; то опять говорятъ: призваніе женщины — родить какъ можно больше здоровыхъ дѣтей, — а тамъ вдругъ — совсѣмъ этого ничего не надо; потомъ мясного ничего не ѣсть — первая ступень, а почему первая — никому неизвѣстно; потомъ противъ водки, табаку, потомъ блины, а потомъ военная служба, что главная бѣда въ ней и главная обязанность христіанина — отъ нея отказаться, а кого въ солдаты не берутъ, тотъ, значитъ и такъ святъ“... И такая путаница въ рѣшеніи основныхъ требованій — вполне понятна у Толстого и его послѣдователей, такъ какъ тотъ принципъ жизни, который указанъ Христомъ и имѣетъ высочайшій смыслъ въ ученіи послѣдняго измѣненъ и извращенъ Толстымъ до неузнаваемости. Любовь, та любовь, которою любитъ Отецъ сына, Сынъ людей, а люди должны любить Бога, любовь, доходящая до самопожертвованія, у Толстого сведена къ простому логическому признанію того, что моя животная личность никуда не годна и поэтому я ее охотно жертвую кому угодно и по какому угодно случаю. Живая, дѣятельная сила, пропавшая вся сущность человѣка, дававшая каждому слову, дѣлу, даже мысли свой высшій отпечатокъ, ставившая ясную, рѣзкую грань между добромъ и зломъ замѣняется су-

химъ, разсудочнымъ утверждѣніемъ, совершенно не говорящимъ сердцу человѣка, этому главному двигателю всѣми поступками его, обезцѣнивающимъ всякое самопожертвованіе, всякое доброе дѣло. Жертва тогда только можетъ считаться жертвой, когда я отдаю ближнему, что либо дорогое для меня, цѣнное; въ противномъ же случаѣ я какъ бы расплачиваюсь съ своимъ кредиторомъ кредитными билетами, потерявшими цѣну.

Итакъ, на мѣсто христіанскаго принципа любви выдвигается принципъ эвдемонистически-утилитарный: я живу для того, чтобы трудиться и чрезъ это получать удовольствіе, избѣжать страданій въ настоящей жизни. Я долженъ трудиться и для другого, чтобы не видѣть картины его бѣдствій и страданій, которыя непріятно поражаютъ меня, мѣшаютъ жить спокойною, полною внутренняго довольства жизнью. Гдѣ же тутъ мѣсто любви: я рассчиталъ заранее, что мнѣ выгодно такъ именно жить, а не иначе и поэтому такъ именно и живу; — и она теряетъ свою опредѣленность, ясность, становясь туманнымъ и съ психологической точки зрѣнія невозможнымъ чувствомъ любви ко всѣмъ, но ни къ кому въ частности и превращаясь въ одно логическое утвержденіе: себя любить нельзя, семью, общество, государство — тоже, надо любить все человѣчество, т. е. вѣрнѣе никого не любить.

Такъ извращается то, что въ христіанствѣ осмысливаетъ всю жизнь человѣка. Любовь, какъ принципъ жизни человѣка, дѣлала съ дѣятельностью человѣка то, что умѣлая рука съ безпорядочно разбросанными буквами: соединенныя въ слова, онѣ, благодаря этому, помимо спеціальнаго своего значенія получали свой высшій смыслъ и значеніе; подобно этому разбросанная и безпорядочная повидимому дѣятельность человѣка въ рядѣ отдѣльныхъ поступковъ любовью связывается въ стройный, цѣльный планъ жизни, посвященный высшей цѣли и освѣщенный свѣтомъ христіанской любви. Въ ней найдутъ свое мѣсто и физическій трудъ и взаимопомощь и непротівленіе злу. Начинаясь съ малаго — съ любви къ одному

лицу, съ любви къ маленькому кругу лицъ — семьѣ, родинѣ, постепенно совершенствуясь, любовь охватываетъ собою все большій и большій кругъ людей — общество, государство и наконецъ все человѣчество, всюду внося свой свѣтъ и освящая тѣ или другія формы человѣческой жизни.

Понятно, что съ принятіемъ такого именно христіанства, христіанства Христова, а не Толстовскаго явится необходимымъ и принятіе всего того, надъ чѣмъ потѣшается и что высмѣиваетъ Толстой, — таинства и обрядовъ: это, съ одной стороны, путь къ таинственному общенію съ Богомъ и полученію отъ Него помощи, съ другой — служеніе ему не только духомъ, но и тѣломъ, выраженіе во внѣ переполняющихъ человѣка тѣхъ или иныхъ чувствъ въ отношеніи къ Богу. Тотъ храмъ живущаго въ насъ Духа Святаго, который призванъ къ соучастію въ вѣчномъ блаженствѣ и имѣеть быть просвѣтленнымъ, обоженнымъ, — не зло и презрительное отношеніе къ нему, стремленіе къ уничтоженію, подавленію его есть беспощадный, бессмысленный аскетизмъ, доводящій человѣка до опрошенія, до озвѣренія.

Мы полагаемъ, что не нужно прибавлять больше что либо къ сказанному, чтобы еще сильнѣе обосновать мысль о несходствѣ Толстовскаго ученія съ христіанствомъ и о прямой враждебности его послѣднему. Много лѣтъ тому назадъ, писалъ покойный В. С. Соловьевъ, я прочелъ извѣстіе о новой религіи, возникшей гдѣ-то въ восточной губерніи. Эта религія, послѣдователи которой назывались вертидырниками или дыромоляями, состояла въ томъ, что, просверливъ въ какомъ либо темномъ углу въ стѣнѣ дыру средней величины, эти люди прикладывали къ ней пубы и много разъ повторяли: „изба моя, дыра моя, спаси меня!“ Никогда еще, кажется, предметъ богопочитанія не достигалъ такой степени упрощенія. Но эти люди, дико безумствуя, никого не вводили въ заблужденіе: про избу они говорили, что это изба и мѣсто, просверленное въ стѣнѣ, справедливо называли дырою. Но религія дыромоляевъ скоро испытала „эволюцію“ и подверглась „трансформации“. И въ новомъ своемъ видѣ она

сохранила прежнюю свою слабость религіозной мысли и узость философскихъ интересовъ, прежній приземистый реализмъ, но утратила прежнюю правдивость: своя изба получила названіе „Ц. Б. на землѣ“, а дыра стала называться „новымъ евангеліемъ“ и что хуже всего, различіе между этимъ мнимымъ евангеліемъ и настоящимъ совершенно такое же, какъ между просверленною дырою и живымъ цѣлымъ деревомъ — это существенное различіе новые евангелисты всячески старались замолчать и заговорить... Хотя интеллигенты-дыромоляи называютъ себя не даромоляями, а истинными христіанами, а проповѣдь свою называютъ евангеліемъ, но христіанство безъ Христа и евангеліе, т. е. благая вѣсть безъ того блага, о которомъ стоило бы возвѣщать, именно безъ дѣйствительности воскресенія въ полноту благъ жизни — есть такое же пустое мѣсто, какъ и обыкновенная дыра въ стѣнѣ... Зачѣмъ же называть себя христіанами? Зачѣмъ заявлять такія убѣжденія, которыхъ не имѣешь, притворяться вѣрящимъ въ то, во что не вѣришь, любящимъ, чтущимъ то, что презираешь и ненавидишь? Чтобы держать себя добросовѣстно по отношенію къ извѣстному историческому лицу и Его дѣлу отъ проповѣдниковъ пустоты требуется одно — умолчаніе объ этомъ лицѣ, игнорированіе Его... правдиво открыто показать свое настоящее отношеніе къ основателю христіанства, именно, что Онъ совсѣмъ не нуженъ и составляетъ одну помѣху“... Да это было бы значительно честнѣе.

Въ послѣднее десятилѣтіе началось какъ бы вытрезвленіе нашего общества отъ увлеченія яснополянскимъ пророкомъ. Понята была вся фальшь, все бездушіе его религіи. Раздаются такіе авторитетные голоса, какъ голосъ покойнаго Астафьева, видящаго въ ученіи Толстого „злую каррикатуру мірозданія“, „образецъ того, какъ не должно мыслить“; А. А. Козлова, опредѣляющаго всю этику Толстого, какъ „иллюзорную, ставящую цѣль мнимую; Мережковского, находящаго, нравственную фізіологію Толстого кощунственною, а ученіе о Богѣ равносильнымъ безбожію“;

Соловьева, на голову разбившаго одинъ изъ основныхъ пунктовъ Толстовской морали — о непротивленіи злу, показавшаго всю внутреннюю пустоту этого прославленнаго ученія.

Все это отрадные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что истинный Богъ вѣченъ, вѣчна и всегда равна самой себѣ истинная религія, а ложные божки съ тѣмъ большимъ трескомъ исчезаютъ, чѣмъ больше старались раздуть ихъ значеніе и ихъ истинность.

Наша задача была бы нѣсколько неконченной, если бы мы не указали на внутреннія самопротиворѣчія и часто отсутствіе смысла въ томъ ученіи, которое претендуетъ на высшее знаніе, на непререкаемую истину, а авторъ котораго, ничтоже сумняся, приравниваетъ себя къ великимъ людямъ подобнымъ Конфуцію, Буддѣ, Магомету и даже самому Іисусу Христу.

Утверждается, что Богъ совершенно непостижимъ, что опредѣлить его нельзя. Но тогда незачѣмъ говорить о томъ, что онъ разумное сознаніе, тогда лучше совсѣмъ выкинуть изъ человѣческаго лексикона это слово. Нѣтъ, Онъ постижимъ постольку, поскольку Ему самому благоугодно было открыть себя и въ природѣ и въ непосредственномъ откровеніи. Вдумайтесь поглубже въ опредѣленіе Божества, какъ безличнаго разума, и вамъ ясна будетъ вся нелѣпость этого опредѣленія. Безличный, имманентный міру разумъ, охватывающій міръ и въ свою очередь исчерпываемый міромъ это — и есть самый міръ. Это та сила, которая дѣйствуетъ въ мірѣ и неотдѣлима отъ него. Получается чистѣйшій пантеизмъ, ставящій своего Бога, первоначало въ прямую зависимость отъ матеріи, внѣ которой онъ немислимъ, какъ немислима тяжесть безъ матеріальнаго предмета, электричество само по себѣ безъ среды, въ которой оно развивается. И если мы припишемъ Божеству вѣчность, то должны приписать вѣчность и матеріи, веществу, отличительная черта котораго — измѣняемость, а слѣдовательно подчиненность категоріи времени.

Какой смысл получает вся человеческая жизнь при отрицаніи значенія личности и личнаго безсмертія? Для чего человѣкъ будетъ поступать такъ, а не иначе? Этою жизнью кончается для него все и не лучше ли воспользоваться этимъ короткимъ срокомъ для наипріятнѣйшаго провожденія времени: „ямы, піемя, утрѣ бо умремъ!“ Надо выпить чашу до дна, не дѣлаясь съ другимъ ни каплей пріятнаго напитка. Говорятъ, наградой за нашу самоотверженную жизнь будетъ благодарное воспоминаніе потомковъ. Но, во первыхъ, все забывается, забываются дѣянія великихъ людей, а не то, что дѣла обыкновеннаго средняго работника; а во вторыхъ, и этой памяти будетъ положенъ конецъ съ уничтоженіемъ всего человѣчества. Мое личное благо не имѣетъ никакого значенія, оно — незаконно, преступно; почему же общее благо законно? Нѣтъ, при отрицаніи личнаго нравственнаго совершенствованія, какъ конечной цѣли, при признаніи земной жизни, какъ единственно возможной и допустимой, смыслъ жизни исчезаетъ и вся она представляется какъ результатъ каприза слѣпыхъ бездушныхъ силъ, предъявляющихъ человѣку болѣе, чѣмъ странныя требованія. Нравственная дѣятельность человѣка получаетъ только тогда смыслъ и значеніе, когда предполагается а) свобода воли въ немъ в) высокій, святой идеалъ, какъ конечная цѣль стремленій человѣка и с) увѣренность въ томъ, что эта высокая цѣль можетъ быть достигнута. Я сознательно, свободно работаю надъ самимъ собою, потому что предъ глазами моими есть высочайшій и святѣйшій образецъ — Богъ, зовущій меня къ себѣ и дающій мнѣ силы подниматься по ступенямъ совершенствованія, и потому что я знаю, что это работа моя, получающая высшій смыслъ въ Богѣ, личномъ, живомъ.

Обѣщаютъ на землѣ земной рай, но кто и когда будетъ имъ пользоваться? Рай этотъ возможенъ тогда, когда всѣ подчинятся закону разума, когда у всѣхъ животная личность будетъ подавлена и останется одинъ разумъ. При такомъ условіи имъ воспользуются тѣ немногіе, которые

будутъ доживать свой вѣкъ, какъ послѣдніе въ родѣ чело-
вѣческомъ, послѣ которыхъ личность совершенно исчезнетъ.
А остальные? Остальные могутъ утѣшаться тѣмъ, что они
внесли свою лепту въ общую сокровищницу: они предвку-
шали это великое будущее благо и счастье и только.

Ставятъ какъ положительное нравственное требованіе
физическій трудъ и какъ отрицательное — непротивленіе злу.
Рисуютъ идеаль опрощенія не только физическаго, но и
духовнаго. Но тогда, спрашивается, что за наслажденія,
радости будетъ переживать челоѣкъ, какъ опредѣлить ихъ
по содержанію. Его дѣятельность — пить, ѣсть, обуваться,
строиться и т. д., слѣдовательно и удовольствія его све-
дуться къ чисто животнымъ удовольствіямъ: чувству сыто-
сти, тепла, физической бодрости и пр. А духовныя наслаж-
денія? О нихъ нѣтъ рѣчи, не смотря на то, что главное въ
челоѣкѣ — разумное сознаніе. Да такъ и должно быть; вѣдь
челоѣкъ не что иное какъ „физическая особа, работающая
для своего пропитанія“.

Отрицаніе ставится какъ требованіе нравственнаго
закона — непротивленіе злу, которое почему то выставляется
основною нравственною заповѣдью, дающею тонъ всей жиз-
ни челоѣка. Очевидно разумѣется чисто физическое наси-
ліе, остановка зла путемъ задержанія намѣревающагося со-
вершить зло (разбойникъ на нашихъ глазахъ рѣжетъ свою
жертву; мы должны спокойно пройти ибо — „не противься
злу“). Но тогда зачѣмъ же такая ярая, фанатическая про-
паганда своего ученія! Вѣдь это тоже противленіе злу.
Оставьте насъ въ покоѣ съ нашею косностью, нашимъ
зломъ, нашей извращенной культурой и идите своею до-
рогою; не противьтесь намъ и не убѣждайте насъ. — Но
нѣтъ, пропаганда ширится и растетъ и если о комъ можно
сказать какъ о совершающемъ нравственное, духовное на-
силіе надъ другими, такъ это о самомъ Толстомъ.

Еще одна послѣдняя замѣтка. Чѣмъ объясняется то,
что толстовщина пользуется незаслуженною симпатіей? Ду-

мается, что больше всего виновникомъ этому является самое имя графа Толстого, гениальнаго писателя, превосходнаго художника слова. Значеніе его въ литературѣ переносится на него, какъ на реформатора въ дѣлѣ религіи и морали. Создалась извѣстнаго рода привычка къ человѣку — ожидать отъ него и получать все тѣ же высокоталантливыя произведенія, полныя житейской правды и не вѣрится, что произведенія послѣдняго его двадцатилѣтія уже не тѣ, что талантъ начинаетъ оставлять нашего писателя и то чувство мѣры, которое придавало цѣну его первымъ произведеніямъ, совершенно его оставило. Обыкновенно знаютъ и считаются съ Толстымъ цензурнымъ: его читаютъ, его судятъ, имъ увлекаются, но Толстого „подпольнаго, страшнаго и разрушительнаго въ его религіозномъ нигилизмѣ и государственномъ анархизмѣ“ — мало знаютъ; увлекаются моральной стороной его ученія и легко поддаются гипнозу художественныхъ образцовъ и яркихъ картинъ великаго писателя-художника. Затѣмъ въ этотъ истекшій вѣкъ крупныхъ переворотовъ и въ общественной и государственной и умственной жизни нѣкоторымъ нравится не столько оригинальность, новизна, какъ бы разумность протеста, сколько самый протестъ, его смѣлость. Мы какъ дѣти небрежничаемъ съ самыми священными предметами и тотъ изъ насъ первенствуетъ, кто дерзновеннѣе, кощунственнѣе относится къ нимъ. Не даромъ декаденство въ искусствѣ и литературѣ, нитшеанство въ философіи получили такое широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ, возбудивъ къ себѣ огромный интересъ. Толстовство съ этой точки зрѣнія и можно разсматривать какъ грубый, рѣзкій, полный смѣлости, дерзости протестъ противъ самаго святаго въ человѣчествѣ — христіанской религіи. Наконецъ, нельзя не придать и тому значенія, что ученіе Толстого облечено въ художественную форму: оно подобно одѣтому красиво, изящно, но пустому человѣку; а такъ какъ мы привыкли судить о человѣкѣ больше по костюму, развязности его манеръ и извѣстной доль безпочвеннаго апломба, то мы и встрѣтили

съ распростертыми объятіями это наряженное въ изящныя литературныя формы ученіе.

Прошло сравнительно не много времени со дня опубликованія синод. постановленія объ отлученіи гр. Толстого отъ Церкви, какъ сказались уже и результаты этого акта. Вскорѣ появилось въ печати письмо гр. С. А. Толстой, супруги Л. Н. къ Высокопреосвященному Митрополиту Антонію, полное сдержаннаго негодованія, безосновательныхъ упрековъ, ѣдкихъ нападковъ на іерархію и очень либеральныхъ и ошибочныхъ разсужденій. Мы помѣщаемъ цѣликомъ его здѣсь, какъ образчикъ неустойчивости и сбивчивости религіозныхъ понятій и представленій нашего образованнаго общества, претендующаго на званіе истинно-христіанскаго. Ваше Высокопреосвященство.

Прочитавъ вчера въ газетахъ жестокое распоряженіе Синода объ отлученіи отъ Церкви мужа моего, графа Льва Николаевича Толстого, и увидавъ въ числѣ подписей пастырей Церкви и вашу подпись, я не могла остаться къ этому вполне равнодушна. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ. И не съ точки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибнетъ духовно мужъ мой; это не дѣло людей, а дѣло Божье. Жизнь души человѣческой, съ религіозной точки зрѣнія, никому, кромѣ Бога, невѣдома и, къ счастью, не подвластна. Но съ точки зрѣнія той Церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступлю, — которая создана Христомъ для благословенія именемъ Божиимъ всѣхъ значительнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ... которая громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ, — съ этой точки зрѣнія для меня непостижимо распоряженіе Синода.

Оно вызоветъ не сочувствіе (развѣ только „Моск. Вѣдомостей“), а негодованіе въ людяхъ и большую любовь и

сочувствіе Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ такія изъ-явленія и имъ не будетъ конца отъ всего міра.

Не могу упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною отъ той безсмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ не отпѣ-вать въ церкви Льва Николаевича, въ случаѣ его смерти.

Кого же хотятъ наказывать?— умершаго, не чувствую-щаго уже ничего человѣка, или окружающихъ его, вѣрую-щихъ и близкихъ ему людей? Если это угроза, то кому и чему?

Неужели для того, чтобы отпѣвать моего мужа и мо-литься за него въ церкви, я не найду—или такого поря-дочнаго священника, который не побоится людей передъ настоящимъ Богомъ любви, или непорядочнаго, котораго я подкуплю большими деньгами для этой цѣли?

Но мнѣ этого и не нужно. Для меня Церковь есть по-нятіе отвлеченное, и служителями ея я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе Церкви.

Если же признать Церковью людей, дерзающихъ своей злобой нарушать высшій законъ—любовь Христа, то давно бы все мы, истинно вѣрующіе и посѣщающіе церковь, ушли бы отъ нея.

И виновны въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ Церкви не заблудившіеся люди, а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея и, вмѣсто любви, смиренія и всепрощенія, ста-ли духовными палачами тѣхъ, кого вѣрнѣе простить Богъ за ихъ смиренную, полную отреченія отъ земныхъ благъ, любви и помощи людямъ жизнь, хотя и внѣ Церкви, чѣмъ носящихъ брилліантовыя митры и звѣзды, но карающихъ и отлучающихъ отъ Церкви пастырей ея.

Опровергнуть мои слова лицомѣрными доводами—легко. Но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей—никого не обманетъ.

Графиня Софія Толстая.

21-го февраля 1901 года.

Это письмо—показатель того, что посланіе Св. Св-

нода произвело сильное впечатлѣніе: кого огорчило, озлобило, а кого — заставило и задуматься повнимательнѣе надъ тѣмъ, надъ чѣмъ обыкновенно мало думаютъ. Оно поставило ясно и опредѣленно вопросъ: имѣетъ ли человѣкъ право называться членомъ Церкви и чѣмъ для этого необходимо ему обладать? Оно произвело въ нѣкоторомъ отношеніи отрезвляющее дѣйствіе, освободивъ многихъ отъ гипноза толстовскаго ученія. Это письмо вмѣстѣ съ тѣмъ показало, что право Церкви — отлучать того или иного изъ членовъ отъ общенія съ нею право безспорное и противъ него можно конечно много, горячо и рѣзко говорить, но нельзя говорить убѣдительно, съ вѣскими доказательствами. Оно важно еще тѣмъ, что вызвало отвѣтъ со стороны того, кому было адресовано. Отвѣтъ полный спокойствія, достоинства и авторитета Высокопреосвященнаго Антонія не замедлилъ появиться. Голосъ маститаго пастыря разсѣялъ послѣднюю попытку извратить факты, перетолковать ихъ съ авторитетомъ было указано и основаніе и смыслъ церк. акта отлученія. Помѣщаемъ полностью и самый отвѣтъ Высокопреосвященнаго.

Милостивая государыня,
Графиня Софія Андреевна.

Не то жестоко, что сдѣлалъ Синодъ, объявивъ объ отпаденіи отъ Церкви вашего мужа, а жестоко то, что самъ онъ съ собой сдѣлалъ, открекшись отъ вѣры въ Іисуса Христа, Сына Бога живаго. Искупителя и Спасителя нашего. На это-то отреченіе и слѣдовало давно излиться вашему горестному негодованію. И не отъ клочка, конечно, печатной бумаги гибнетъ мужъ вашъ, а отъ того, что отворотился отъ Источника жизни вѣчной. Для христіанина немислима жизнь безъ Христа, по словамъ Котораго, „вѣрующій въ Него имѣетъ жизнь вѣчную и переходитъ отъ смерти въ жизнь, а не вѣрующій не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ“ (Іоанн. III, 15. 16. 36; V, 24), и потому объ отрекающемся отъ Христа одно только и можно сказать, что онъ перешелъ отъ жизни въ смерть. Въ

этомъ и состоитъ гибель вашего мужа, но въ этой гибели повиненъ только онъ самъ одинъ, а не кто-либо другой.

Изъ вѣрующихъ во Христа состоитъ Церковь, къ которой вы себя считаете принадлежащей, и для вѣрующихъ, для членовъ своихъ Церковь эта благословляетъ именемъ Божиимъ всѣ значительнѣйшіе моменты человеческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ, но никогда не дѣлаетъ она этого и не можетъ дѣлать для невѣрующихъ, для язычниковъ для хулящихъ имя Божіе, для отрекшихся отъ нея и не желающихъ получать отъ нея ни молитвъ ни благословеній, и вообще для всѣхъ тѣхъ, которые не суть члены ея. И потому съ точки зрѣнія этой Церкви распоряженіе Синода вполне постижимо, понятно и ясно, какъ Божій день. И законъ любви и всепрощенія этимъ ничуть не нарушается. Любовь Божія безконечна, но и она прощаетъ не всѣхъ и не за все. Хула на Духа Святаго не прощается ни въ сей, ни въ будущей жизни (Мате. ХІІ, 32). Господь всегда ищетъ человѣка Своею любовію, но человѣкъ иногда не хочетъ идти на встрѣчу этой любви и бѣжитъ отъ Лица Божія, а потому и погибаетъ. Христосъ молился на крестѣ за враговъ Своихъ, но и Онъ въ Своей первосвященнической молитвѣ изрекъ горькое для любви Его слово, что погибъ сынъ погибельный (Іоанн. ХІІ, 12). О вашемъ мужѣ, пока живъ онъ, нельзя еще сказать, что онъ погибъ, но совершенная правда сказана о немъ, что онъ отъ Церкви отпалъ и не состоитъ ея членомъ, пока не покается и не воссоединится съ нею.

Въ своемъ посланіи, говоря объ этомъ, Синодъ засвидѣтельствовалъ лишь существующій фактъ, и потому негодовать на него могутъ только тѣ, которые не разумѣютъ, что творятъ. Вы получаете выраженія сочувствія отъ всего міра. Не удивляюсь сему, но думаю, что утѣшаться вамъ тутъ нечѣмъ. Есть слава человеческая и есть слава Божія. „Слава человеческая — какъ цвѣтъ на травѣ: высохла трава, и цвѣтъ ея опалъ, но слово Господне пребываетъ во вѣкъ“ (І Петр. І, 24. 25).

Когда въ прошломъ году газеты разнесли вѣсть о болѣзни графа, то для священнослужителей во всей силѣ всталъ вопросъ: слѣдуетъ ли его, отпавшаго отъ вѣры и Церкви удостоивать христіанскаго погребенія и молитвъ? Послѣдовали обращенія къ Синоду, и онъ въ руководство священнослужителямъ секретно далъ и могъ дать только одинъ отвѣтъ: не слѣдуетъ, если умретъ, не возстановивъ своего общенія съ Церковію. Никому тутъ никакой угрозы нѣтъ, и иного отвѣта быть не могло. И я не думаю, чтобы нашелся какой-нибудь, даже непорядочный, священникъ, который бы рѣшился совершить надъ графомъ христіанское погребеніе, а если бы и совершилъ, то такое погребеніе надъ невѣрующимъ было бы преступной профанаціей священнаго обряда. Да и зачѣмъ творить насиліе надъ мужемъ вашимъ? Вѣдь, безъ сомнѣнія, онъ самъ не желаетъ совершенія надъ нимъ христіанскаго погребенія?

Разъ вы — живой человѣкъ, хотите считать себя членомъ Церкви, и она дѣйствительно есть союзъ живыхъ разумныхъ существъ во имя Бога живаго, то ужъ падаетъ само собою ваше заявленіе, что Церковь для васъ есть понятіе отвлеченное. И напрасно вы упрекаете служителей Церкви въ злобѣ и нарушеніи высшаго закона любви, Христомъ заповѣданной. Въ Синодальномъ актѣ нарушенія этого закона нѣтъ. Это, напротивъ, есть актъ любви, актъ призыва мужа вашего къ возврату въ Церковь и вѣрующихъ къ молитвѣ о немъ.

Пастырей Церкви поставляетъ Господь, а не сами они гордо, какъ вы говорите, признали себя во главѣ ся. Носятъ они брилліантовые митры и звѣзды, но это въ ихъ служеніи совсѣмъ не существенное. Оставались они пастырями, одѣваясь и въ рубище, гонимые и преслѣдуемые, останутся таковыми и всегда, хотя бы и въ рубище пришлось имъ опять одѣться, какъ бы ихъ ни хулили и какими бы презрительными словами ни обзывали.

Въ заключеніе прошу прощенія, что не сразу отвѣ-

тиль. Я ожидалъ, пока пройдетъ первый, острый порывъ вашего огорченія.

Благослови васъ Господь и храни, и графа — мужа вашего — помилуй!

Антоній, Митрополитъ С.-Петербургскій.

1901. марта 16.

И мы охотно готовы вѣрить, что этотъ полный любви актъ вразумленія грѣшника достигнетъ своей конечной цѣли — обращенія послѣдняго на путь истины.

Если у кого и осталось сомнѣніе въ томъ, что въ отлученіи православной Церкви, въ томъ видѣ, въ какомъ оно примѣнено къ гр. Толстому, нѣтъ ничего злостнаго, гнѣвливаго и несправедливаго, то совѣтуемъ произвести внимательное сравненіе между синод. отлученіемъ и отлученіемъ недавнимъ отъ католической церкви нѣкоего еретика Леона Тексиля. Въ февралѣ истекшаго года папа Левъ XIII своею буллою отлучилъ означеннаго еретика отъ Церкви. Вотъ текстъ отлученія:

„Во имя всемогущаго Бога Отца, Сына и Святаго Духа, священнаго Писанія, святой и безпорочной Дѣвы Маріи, Матери Бога, во имя всѣхъ славныхъ добродѣтелей ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, могуществъ, херувимовъ, серафимовъ, во имя патріарховъ, пророковъ, евангелистовъ, святыхъ преподобныхъ, мучениковъ и исповѣдниковъ и всѣхъ прочихъ спасенныхъ Господомъ, Мы провозглашаемъ, что отлучаемъ отъ церкви и анаематствуемъ того злодѣя, который именуется Леономъ Таксиль, и изгоняемъ его отъ дверей Святой Божіей церкви.

И Богъ Отецъ, которой сотворилъ міръ, его прокликаетъ, и Богъ-Сынъ, которой пострадалъ за людей, его прокликаетъ, и Святой Духъ, который, возродилъ людей крещеніемъ, его прокликаетъ, и святая вѣра, которой искушилъ насъ Христосъ, его прокликаетъ. И святая Дѣва, Матерь Божія, его прокликаетъ, и святой Михаилъ, ходатай душъ — его прокликаетъ. И небо, и земля, и все, что на нихъ заключается сятаго — его прокликаетъ. Да будетъ онъ проклятъ всюду гдѣ бы онъ ни находился: въ домѣ, въ полѣ, на большой дорогѣ, на лѣстницѣ, въ пустынѣ и даже на порогѣ церкви.

Да будетъ проклятъ онъ въ жизни и въ часъ смерти. Да будетъ проклятъ онъ во всѣхъ дѣлахъ его, когда онъ пьетъ, когда онъ ѣстъ, когда онъ алкаетъ и жаждетъ, когда онъ постится, когда онъ спитъ, или когда бодрствуетъ, когда гуляетъ, или когда отдыхаетъ, когда онъ сидитъ, или лежитъ, когда раненый онъ истекаетъ кровью.

Да будетъ проклятъ онъ во всѣхъ частяхъ своего тѣла — внутреннихъ и вѣшнихъ.

Да будетъ проклятъ волосъ его и мозгъ его, мозжечокъ его, виски его, лобъ его, уши его, брови его, глаза его, щеки его, носъ его, кисти рукъ и руки его, пальцы его, грудь его, сердце его, желудокъ его, внутренность его, поясница его, пахъ его съ прилегающими частями бедра его, колѣни его, ноги его.

Да будетъ онъ проклятъ во всѣхъ суставахъ членовъ его. Чтобы болѣзни грызли его отъ макушки головы до подошвы ногъ.

Чтобы Христосъ, Сынъ Бога живаго, проклялъ его всѣмъ своимъ могуществомъ и величіемъ. И чтобы небо и всѣ живыя силы обратились на него, чтобы проклинать до тѣхъ поръ, пока не дастъ онъ намъ открытаго покаянія. Аминь. Да будетъ такъ, да будетъ такъ. Аминь“.

Какъ непохожа эта грозная энциклика католической церкви, какимъ духомъ нетерпимости, гнѣва полна она по сравненію съ нашимъ синод. отлученіемъ, полнымъ милосердія, сострадательной, чисто материнской попечительности о заблуждшемъ сынѣ.

Церковь здѣсь на землѣ — церковь воинствующая; ее назначеніе — вести непрерывную борьбу съ врагами своими и „ни одного не погубить изъ тѣхъ, кто даденъ ей“. Столѣтіе за столѣтіемъ приносили ей все новыхъ и новыхъ враговъ. Проходили эти вѣка: Церковь стояла незыблемо, а память первыхъ „погибе съ шумомъ“ и какъ слѣдъ по нимъ — остается горестное воспоминаніе о погибели многихъ. Всѣ они жили протестомъ и какъ только послѣдній исчерзалъ и наступало время активной внутренней работы, наступало и время разложенія и гибели. Тоже наблюдается и сейчасъ въ отношеніи толстовщины. Когда началось устройство толстовскихъ скитовъ, примѣненіе на дѣлѣ того многого, что было наговорено основателемъ толстовщины, обнаружились и недочеты и разногласія, раздоры. Окончательное разложеніе толстовщины — дѣло времени и оно будетъ ускорено тѣми печальными фактами, о которыхъ нерѣдко приходится читать: фактами самоубійства, какъ пе-

чальнымъ результатомъ душевной пустоты того или другого спохватившагося, очнувшагося отъ гипноза толстовца.

Свящ. Д. Матвѣевъ.